

A nude woman is shown from the back, crouching in a compact, almost spherical pose. Her hair is pulled up into a bun. A large, thick red number '4' is superimposed over her back and legs. The lighting is dramatic, highlighting the contours of her body against a dark background.

Ю Л И Я К О В А Л Ь К О В А

Часть I. Отношения

Сложи мою тайну, как тетрис...

Юлия Ковалькова

~ А. Часть 1. Отношения

«Издательские решения»

Ковалькова Ю.

~ А. Часть 1. Отношения / Ю. Ковалькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906190-4

Ему 36, он хирург, у него золотые руки, репутация, свободная личная жизнь и на первый взгляд он ничем не связан. Но он ненавидит журналистов и все, что связано с этой профессией. И мало кто знает, что у него есть то, что он хочет скрыть. Ей 27, она работает в «Останкино», без пяти минут замужем, и она ведущая популярного ток-шоу. У нее внешность, характер, увлеченность своей профессией. Она костями ляжет, чтобы он пришёл к ней на передачу. И никто не знает, что у нее есть тот, кого нужно спасти.

ISBN 978-5-44-906190-4

© Ковалькова Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть 1. Отношения	7
Глава 1. Точка отсчёта: до тебя	7
Глава 2. Ты, я, он и «дорогая» передача	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

~ А

Часть 1. Отношения

Юлия Ковалькова

*Когда увидишь мой смятый след,
Услышишь выстрелы за спиной,
Поймешь, что против меня весь свет,
Поймешь, что мир на меня войной,
Оставь дела и запри в сундук.
Вели соседке кормить кота,
Рассеяв выдохом тишину,
Иди к знакомым тебе местам.
Пусть меня замели пески,
Пусть под ногами дрожит земля,
Иди за мной, лишь за мной иди.
Ищи. Я тоже ищу тебя.
Джио Россо, «Ищи меня»*

© Юлия Ковалькова, 2024

ISBN 978-5-4490-6190-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Имена, характеры, места действия, как и все аналогии с действительными событиями и местами вымышлены или творчески переработаны. Все совпадения с фамилиями реальных людей, медицинскими исследованиями, препаратами, телепередачами – фантазия автора, и только.

Это – первая часть книги.

Часть 1. Отношения

Глава 1. Точка отсчёта: до тебя

*Если бы тебя не было, то моя жизнь была бы совсем другой.
Кабураки Хиро, «Kimi ni Todoke»¹*

Январь 2017 года. Москва

1.

Телецентр «Останкино», Саша, между полуднем и часом дня.

« – Игорь, я не буду этого делать.

– Александра!

– Игорь, ты что, глухой?

– Алексан...

Разворачиваюсь на пятке кроссовки:

– Слушай, Игорь, твоя Афанасьева в очередной раз «заболела», а ты вместо того, чтобы сдвинуть эфир или раз и навсегда найти ей замену, решил поставить на площадку меня. Меня! А у меня – и ты знал об этом – на сегодня были другие планы.

Злобно выстрелив фразой, я поворачиваюсь спиной и прибавляю шаг, чтобы удрать по длинным (и слава Богу, ещё полупустым) коридорам «Останкино» от Игоря Соловьёва, который является коммерческим директором нашего канала и, по совместительству, моим гражданским мужем.

– Соловьёва, остановись! – пыхтит мне в спину Игорь, ухитряясь при этом вежливо раскланиваться по пути с попадающимися нам техниками и осветителями.

– Не Соловьёва, а Аасмяэ, – из-за плеча огрызаюсь я, напоминая о своей настоящей фамилии, и устремляюсь в сторону женского туалета, куда Игорь вряд ли зайдёт: как-никак, исконно женская территория.

– Александра, – раздражённо шипит мой «муж», – остановись, я кому сказал? Давай спокойно поговорим. Подождёт твой друг сердечный, никуда он не денется.

«Друг? Друг сердечный?!» Нет, Игорь, конечно, умеет подбирать к случаю слова, что злит меня ещё больше.

– Сейчас поговорим, только сначала я кое-куда загляну.

Игорь успевает затормозить ровно за секунду до того, как я, подняв вверх указательный палец, несколько раз с издёвкой тычу им в фигурку правильного золотистого треугольника, прикрепленную к тёмно-коричневой двери и указывающую, что комната всё-таки женская. Замерев на полном скаку, Игорь краснеет, неловко мнётся и отходит к противоположной от туалета стене, явно не собираясь выпускать меня из зоны видимости. Вскидывает руку и зачем-то смотрит на свои заоблачно дорогие часы от «Вашерон Константин» – по слухам, подарок самого Эрнста.

Но всё это – враки, как и вся наша с Игорем придуманная семейная жизнь, потому что нет никакой Соловьёвой, а есть я, двадцатисемилетняя Саша Аасмяэ, у которой есть тайна, этой тайне на днях исполняется ровно год, и о ней, помимо меня, знают только Игорь и моя мама.

¹ Достучаться до тебя (название популярного японского анимэ)

Саданув увесистой дверью туалета, подлетаю к окну. Там, за мокрым стеклом – неуютное серое небо с надоевшей штриховкой белого снегопада. Чертыхнувшись, роюсь в карманах куртки. Нашупав спасительную пачку сигарет, бью ладонью в оконную створку. Окно распадается настежь, колючий январский ветер бьёт меня по глазам, по лицу. Прищурившись, борюсь с неисправным механизмом и после третьей попытки перевожу окно в режим зимнего проветривания. Угомонив окно, щелчком выбиваю сигарету из пачки. Бросаю сигарету в рот, сжимаю зубами угольный фильтр, прикуриваю и практически выплёвываю в воздух дым.

«Нет, ну как же так? Ну почему всё так, а? – вихрем проносится в голове. – Игорь ведь знал, прекрасно знал, что сегодня днём я должна быть совсем в другом месте. Но вместо того, чтобы разобраться со своей Афанасьевой, которая сейчас, судя по всему, в пансионате, в Лесном, в койке с очередным бойфрендом, Игорь не придумал ничего лучше, как смотаться к нашему генеральному, за моей спиной договориться с ним и поставить в эфир меня на том простом основании, что я, видите ли, в теме... А может, мне тоже, как Афанасьева, наплевать на всё и послать ток-шоу и Игоря к чёртовой матери?»

В принципе, мысль дельная. Даже правильная. Но есть пара моментов: во-первых, ни к чему хорошему это не приведёт (если программа слетит, то Игорь получит по башке), во-вторых, Соловьёв в отместку обязательно на мне отыграется. И я даже знаю, как: однажды он это уже проделывал.

От мыслей, разлетающихся сейчас в моей голове (что в общем и целом напоминает сцену из фильма «Ночной дозор», где в чёрном небе, над воронкой, готовой затянуть этот мир в пропасть, кружит сотня зловещих ворон) меня отвлекает жужжание мобильного. Тяну из кармана айфон, бросаю взгляд на определитель: «Данила». Моё сердце тоскливо сжимается.

«Ну и что я ему скажу? Что я не приеду? Что этот муд... мой муж ухитрился снова меня подставить?»

Злость – и щемящая жалость к Дане, к себе, к нам обоим, отверженным вами, людьми, бьёт меня между рёбер и растекается во рту вязкой горечью. Сделав глубокий вдох, запуливаю недокуренную сигарету в унитаз, надеваю на лицо маску «Оптимизм и спокойствие». Создав жизнерадостную, но кривоватую улыбку из собственных непослушных губ, перевожу на дисплее айфона пальцем вправо бело-зелёную кнопку.

– Да, «заяц», привет, – стараясь говорить бодро, пою в трубку я. – Ну, как дела? Настроение как, хорошее?

– Привет, Саш. Ага, очень, – ехидно отвечает мой «заяц». – А ты, судя по голосу, сегодня ко мне не приедешь?

У Данилы есть одно потрясающее качество: он безошибочно чувствует, когда я лгу.

– Нет, я приеду, но только не днём, как мы договаривались, а чуть-чуть попозже, – принимаюсь быстро оправдываться я, – у меня... понимаешь... я...

– У тебя муж и программа, – сухо вато напоминает Данила. Я не вижу его, но могу запросто представить себе, как он презрительно кривит уголок рта и иронично щурит глаза – зеленовато-карие, с золотистым отливом. – Ладно, ничего страшного, как-нибудь переживу. Перезвони, если приедешь.

Моментально отмечаю, что акцент Данила делает на слове «если».

– Значит так, я приеду, – грозно начинаю я, но Данила уже вешает трубку.

Вцепившись пальцами левой руки в айфон, правую сжимаю в кулак и бью им о подоконник. «Я так люблю тебя, – думаю я, – ну почему я словно в загоне?»

– Са-шень-ка...

Оборачиваюсь. Вместе с деликатным стуком в дверь и голосом, буквально по слогам выдыхающим моё имя, в зазоре между дверью туалета и косяком двери появляется лицо Игоря. Лицо, надо сказать, бледное: за время нашего «брака» Игорь неплохо меня изучил и догады-

вается, что сейчас я могу запросто кинуть ему в голову что-нибудь тяжёлое – например, вот этот увесистый кусок мыла.

– Ну? – не церемонясь, огрызаюсь я.

– Саш, выходи. Я тебе сейчас такое скажу – закачаешься. Мне Марго только что звонила.

Марго (или Рита) – это редактор ток-шоу, которая перешла к нам на канал за полгода до того, как из ведущих этой передачи ушла я, чтобы готовить свою авторскую программу. Но не суть.

– Что, ещё один *сюрприз*? – Сверлю Игоря своими серыми или, как он выражается, «прибалтийскими» глазами. – Ну и кто ещё у тебя заболел? Режиссёр? Сценарист? Телесуфлёрщик? Давай, жги, я же всех могу заменить! Бардак, а не канал...

– Саш, ну всё, заканчивай, – снисходительно произносит Игорь.

Делаю шаг к нему, разглядываю его безупречное лицо. «Интересно, и как это он так ловко тогда меня окрутил?» – думаю я. Впрочем, вас бы он тоже окрутил, если б вы его видели.

– Марго только что с «Бакулевским» разговаривала, – не подозревая о том, какие мысли блуждают в моей голове, продолжает вещать Игорь, – и вместо этого врача... чёрт, как его? Забыл фамилию... Ладно, неважно... В общем, на передачу придёт... – Игорь делает эффектную паузу.

– Кто, Господь Бог?

– Фи, Сань. Сечин.

– Сечин? – Игорь кивает. – Тот самый Сечин? Арсен Павлович Сечин? – на всякий случай, уточняю я, и Игорь довольно смеётся. – Игорь, опомнись, – я щёлкаю пальцами прямо перед его носом. – Да твоя Афанасьева ещё вчера всем в курилке рассказывала, жаловалась, как она Сечину самолично дважды звонила, умоляла его на ток-шоу прийти, чуть ли не в ноги кланялась, а он наотрез отказался. Да ещё и выдал ей напоследок... как это, чтобы не переврать цитату? – аккуратно чешу маникюром левую бровь. – А, вот: «Не утруждаетесь. Ваши передачи и так позволяют мне по телевизору наслаждаться обществом тех людей, которых я бы к себе даже на порог не пустил»².

Повисает пауза. Судя по тому, как ходят его желваки, Игорь начинает всерьёз заводится. Тем не менее, небрежно пожимает плечами:

– Ну, как видишь, нашли способ его убедить.

– Как, неужели ему наш неподкупный канал за участие бабла откинул? – продолжаю добивать Игоря я. – Или – о Боже! – ему наш генеральный по телефону сам исполнял?

У Игоря моментально стекленеют глаза. Через секунду он испуганно вздрагивает, воровато оглядывается по сторонам, влетает в туалет и выразительно стучит себя костяшками пальцев по лбу.

– Саш, ты хоть иногда думаешь, что говоришь? – шипит он. Я смеюсь. – Короче, давай без шуток, – злится Игорь. – К твоему сведению, у Сечина тоже начальство есть, и это начальство желает, чтобы у «Бакулевского» был рейтинг. Теперь тебе всё понятно?

Не успеваю ответить, как мимо туалета (и нас) рысцой пробегает невысокая чернявая девушка. Джинсы, кудрявый хвостик, смуглое лицо. Лицо, кстати сказать, смутно знакомое. Пока я соображаю, где я её видела (кажется, в нашем бизнес-центре?), девушка замедляет бег и с любопытством заглядывает в туалет.

– Добрый день, – весело здоровается она со спиной Игоря. Надо сказать, что голос у девушки низкий, красивый, грудной.

– Добрый день! – моментально оборачивается Игорь. Профессионально мажет глазами по её удаляющейся фигуре, но поскольку девушка полновата и у неё короткие ноги, а Игоряша

² Источник цитаты: Дэвид Фрост.

у нас большой эстет, то Игорь морщится и снова поворачивается ко мне: – Ну что, мой *сюрприз* удался?

– Да не то слово.

– Тогда, может, ты уже выйдешь отсюда? – Соловьёв, оглядев строй туалетных кабинок, отступает в сторону и придерживает для меня дверь.

Выхожу из периметра туалета. Рассматривая тёмные, непроницаемые глаза Игоря (никогда не могла понять, и что у него в душе?), завожу ладони за спину и приваливаюсь спиной к холодной, шероховатой стене коридора.

– Игорь, скажи мне честно, это ты заставил Марго дожать «Бакулевский», чтобы на передачу пришёл именно Сечин? – очень тихо спрашиваю я. Игорь, помедлив, кивает. – Прости... честно, прости, я не знала.

Оторвавшись от стены, делаю шаг к нему. Вдыхая терпкий аромат его after shave, шепчу ему на ухо:

– Ну, прости меня, слышишь?

– Саш, не у туалета же? – брезгливо морщится Игорь. Тем не менее, бросает по сторонам осторожный взгляд и цепко обхватывает меня за талию. Я вглядываюсь в его лицо. Как ни странно, но иногда мой «муж» ухитряется быть человеком.

– Прости меня, слышишь? – повторяю я. – И спасибо тебе за Сечина.

Последнее, кстати, сказано мной вполне искренне.

– Не за что, обращайся! – Игорь, ещё разок оглядевшись, ухмыляется и по-хозяйски, звучно и сочно, припечатывает ладонь к моей заднице. От этой ласки меня буквально передёргивает, но в этот раз я предпочитаю смириться и промолчать.

– Всё, Сашка, иди и не срывай мне эфир, – повеселев, ставит точку в дискуссии Игорь.

Уже собираюсь кивнуть, как в коридоре раздаётся ритмичный стук каблучков, и из-за угла появляется вторая девица. В отличие от первой, у этой полный макияж, модные кюлоты, высокий каблук – судя по антуражу, девушка работает на музыкальном канале.

«Вот и я когда-то так начинала», – думаю я, а в памяти уже крутится сценка, где я, будучи студенткой журфака, волнуясь до ледяных пальцев, до дрожи в коленках, иду в «Останкино» на кастинг ведущих для МУЗ-ТВ. Кастинг (кстати, он был не сложным) я прошла, потом прошла мастер-класс и уже через месяц встала под камеру, чтобы вести еженедельные дурацкие попсовые хит-парады. А потом в коридорах «Останкино» меня приглядел Игорь. Приглядел, окрутил, переспал, перевёл поближе к себе – и всё, понеслась карьера! Впрочем, благодаря этому я многое получила.

«А скоро получу и ещё больше...»

Пока я, разглядывая девицу, думаю о своём, девушка подходит ближе, и тут я замечаю, что у неё высокий рост, льняные волосы и светло-серые глаза. Как и у меня. Мы вообще внешне похожи и представляем собой тот северный тип, к которому равнодушен Игорь. Правда, девушке надо отдать должное: она лет на пять, на шесть моложе меня, но для Игоря это, скорее, плюс, а не минус.

– Здравсьте, – томно произносит девица и вскидывает на Игоря блестящие глаза.

– Здравсьте, здравсьте, – отвечает Игорь и принимается с интересом её рассматривать. Девица со знанием дела прикусывает нижнюю губу, бросает на меня короткий изучающий взгляд, подумав, сухо кивает мне и тянет на себя ручку двери туалета. Игорь галантно придерживает для девушки тяжёлую дверь. Мысленно закатив глаза, я отворачиваюсь и направляюсь к лифтам.

– Аасмяэ, так мы договорились? Ток-шоу мне не сорвёте? – догоняет меня начальственный голос Игоря.

И я всё-таки не могу удержаться.

– Да безусловно, Игорь Борисович! – На глазах у изумлённой девицы разворачиваюсь на пятке кроссовки, прижимаю два пальца к губам и посылаю воздушный поцелуй онемевшему от возмущения Игорю».

2.

Рублевское шоссе, Арсен, тремя часами ранее.

« – У тебя такое имя красивое: Арсен. – Женька, которая пару часов назад подошла ко мне в кафе у ТЦ «Рублевский», куда я после ночной смены позавтракать завернул, лежит рядом со мной на кровати, водит пальчиком с французским маникюром по моей груди и лстыиво заглядывает мне в глаза: – И глаза у тебя тоже красивые: зеленовато-карие, с золотистыми точечками.

– Правда? – интересуюсь я, лишь бы поддержать обязательный пост-коитальный разговор и разглядываю ёлку, стоящую в углу спальни. Как ни странно, но ёлка напоминает мне не о новогодних праздниках, которые уже прошли, а о моём дне рождения, которое у меня первого января. Вернее, оно записано в моём паспорте, как первое января 1981 года.

– Правда, правда, – не подозревая о моих сложностях, Женька энергично кивает бело-брысой головой и продолжает пальцем выписывать у меня на груди узоры и фигурки. – И ресницы у тебя тоже необыкновенные: длинные, длинные и загнуты на концах. И кончики у них золотистые... Всё бы отдала за такие глаза и ресницы!

– Это из-за света, наверно. Фонари в окно светят. – Я кошусь в окно. Через час мне надо ехать в «Останкино», чтобы участвовать в съёмках какого-то идиотского ток-шоу, на которое меня все-таки загнал шеф, а мне не то что туда неохота – я вообще никуда не хочу.

– Нет, это не фонари. Это у тебя глаза такие необыкновенные, – между тем упирается романтичная особа двадцати трёх лет и переворачивается с бока на живот, ухитрившись распластаться на мне. – Скажи, а кем ты работаешь?

– Техником-смотрителем. – Пользуясь тем, что мне приходится обнять Женьку за плечи, бросаю взгляд на часы. – Слушай, мне скоро на вахту заступать. Может, после договорим?

Сообразив, что это вежливый намёк на то, что ей, в общем, уже пора, Женька обиженно выпячивает нижнюю губу, но поскольку соображает, что в призывно-голой позе с жалобно наморщенным лбом она будет выглядеть по меньшей мере нелепо, тянет улыбку на свой пухлый рот с сексуально-вывороченной верхней губой.

– Мы ещё увидимся? – закидывает Женька удочку.

– Да, если ты хочешь. – Прикинув, что у меня есть ещё полчаса на прощание (или быстрый прощальный секс), опускаю голову на подушку, тяну к себе девушку и снова смотрю в окно.

Господи боже мой, кто бы знал, как я не люблю это серое зимнее небо, безжизненные ветки деревьев и снег – этот сезон с постоянными скачками давления и диким промозглым ветром, из-за которого у сердечников начинается активизация вызова «скорых», а у меня – страдная пора в белокаменных палатах «Бакулевского» или Научного центра сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева, где я, собственно говоря, и работаю.

– Слушай, а ты точно один живешь? – подает голос неугомонная Женька. Её размалёванные серым глаза с интересом рассматривают интерьер моей «трёшки», расположенной в доме тридцать восемь по Рублевскому шоссе: картины, раритетная мебель из карельской березы и книги – бесчисленные фолианты, доставшиеся мне от «родителей». – У тебя такой порядок! Кто тут убирается?

«Неделю назад здесь убиралась Юлия», – мысленно отвечаю я, имея в виду свою бывшую, с которой мы разбежались. Но к Женьке это никак не относится, так что я предпочитаю отделаться полуправдой:

– Я. Периодически.

– Да-а? – задумчиво тянет Женька и, поглаживая меня по груди, принимается с любопытством разглядывать стоящий напротив кровати высокий, в шесть секций, застеклённый шкаф с бездонными книжными полками. – А вот скажи, ты говоришь, что техником работаешь, а у тебя всё книги такие научные... «Эндо-вас-куляр-ные вмешательства и кате-теризация сердца», «Лёгочная артериальная гипер-тензия, ассоциированная с пороками сердца», – старательно, по складам читает Женька и ловит мой убегающий взгляд. – А эти книги тебе – зачем?

– Наследство от родителей. Не выбрасывать же? – в очередной раз пытаюсь вывернуться я.

В это время в дверном замке слышится скрежет ключа, а в прихожей – бодрый с мороза голос:

– Арсен, привет, ты дома? Прости, что я без звонка, просто увидела твою машину внизу и решила зайти. Слушай, ты случайно мой паспорт не находил? А то мы с театром на гастроли летим.

«Всё. Пи... peace-death. Юлька».

Кстати, хотите знать, что я ненавижу? Сказать, что я не перевариваю практически до боли в желудке, до зубовного скрежета и хруста скул? Нет, не такие визиты бывших. Достать меня может ровно одна вещь: когда мной пытаются манипулировать. Именно это неделю назад и попробовала проверить Юлия, пытаюсь устроить через меня на обследование в «Бакулевский» кого-то из своих «очень хороших знакомых», что и привело к незамедлительному финишированию нашего шестимесячного романа. Но всё это неважно, поскольку сейчас меня больше занимает другой вопрос: а каким образом она, простите, входную дверь отперла? И тут я вспоминаю, что у Юльки оставался второй комплект ключей, который она брала у меня, чтобы «полить цветочки», пока я буду в командировке.

«Забыл ключи забрать! Вот я молодец». Пока я мысленно даю себе по башке, Женька вздрагивает и переводит на дверь изумлённый взгляд.

– А?.. – глубокомысленно начинает она.

– Это моя сестра. Посиди здесь, я сейчас её выставлю.

Отстранив от себя Женьку, выпрыгиваю из кровати. Сообразив, что я голый, судорожно озираюсь и выдёргиваю из-под пёстрой кучи футболок, джинсов и розового Женькиного белья новый тёмно-зелёный махровый халат. Сую ноги в шлепанцы и, на ходу завязывая пояс, направляюсь в прихожую, где в полупоклоне, держась рукой за косяк, в попытке поддеть носком одного ботика задник другого, стоит моя названная сестрица.

– О! – радуется Юлька при виде меня и халата и дружелюбно щурит свои большие серые глаза. – Ты и в этом халате... Между прочим, тебе идёт! А ведь когда мы его с тобой покупали, то ты отказывался. Ты говорил, что...

– Юль, ну какой ещё паспорт, если ты свои вещи сама собирала? – стараюсь говорить вежливо, очень тихо интересуюсь я. Но тут взгляд Юлии падает на пару высоких женских сапог, которые принадлежат Женьке, и выражение лица моей экс немедленно оттачивается до непреклонного взгляда офицера войск СС, я тут же чувствую себя немецким военнопленным, а Юлька уже переводит глаза на вешалку, на которой висит женское меховое пальто – тоже, явно не Юлькино.

– Так, так, – как мне кажется, удовлетворённо произносит Юля и плюхается на стоящую рядом банкетку. – Арсен, значит, ты так решил поставить все точки над «i», да? – замогильным голосом начинает Юлия и прячет лицо в ладонях. – Но ведь я извинялась. Мне казалось, ты

понял меня... Я думала, нам просто нужна пауза в отношениях, чтобы ты от того дурацкого конфликта остыл, а ты вместо этого решил плюнуть мне в душу? Ты же у нас по-другому не можешь, да? – начинает причитать Юлька, но не потому, что очень любила (любит) меня, а потому, что училась в «Щуке»³ и теперь служит актрисой в Театре Российской Армии (увы, шесть месяцев только роли второго плана).

«Видимо, всё-таки переигрывает...»

Поскольку я, хмыкнув, предпочитаю смолчать, то красивое (но перекошенное) женское лицо моментально выныривает из сложенных в лодочку ладоней. В глазах у Юли – гром и молнии, но поза постановочная, как и весь этот разыгрываемый ею лицемерный спектакль под названием: «Сердце, разбитое врачом-кардиологом».

– Это моя студентка из ординатуры. Ты мне лучше скажи, как ты в квартиру вошла? – Я слежу за лицом Юлии, а та следит за голыми пальцами моей правой ноги, которые я подгибаю от холода (в прихожей сквозняк, и вообще, неуютно стоять на затоптанном Юлькими грязными ногами полу).

– И что же вы проходили в спальне? Шунтирование сосудов? – картинно ломает бровь Юля, за полгода нашего романа изрядно поднаторевшая в терминологии моей настоящей профессии.

– Типа того, – киваю я. – Так как насчёт моего вопроса?

– В халатах?

Тридцатилетняя Юлия обладает ещё двумя интересными качествами: умением филигранно переводить в споре стрелки и неплохим чувством юмора, за что я очень её ценю (ценил). Но к делу это уже не относится.

– Юль, да какая разница? Мы были вместе, потом разбежались. Больше ничего не было. Так к чему сейчас эти театральные страсти? – спрашиваю ровным голосом я в попытке уйти от скандала.

– Теа... театральные страсти? – моментально цепляется за фразу Юля. – То есть ты теперь так это называешь? А я-то считала, что рядом со мной находится не чужой мне человек, – Юлька, придавая драматизм ситуации, отчаянно трёт ладонями щёки, растопыренными пальцами прикрывает лицо и начинает трясти головой. – Я-то думала, что между нами что-то есть, что-то важное, что-то особенное, а ты, вот так, мерзко и пошло... Знаешь что, да я после этого даже разговаривать с тобой не хочу! – забыв об «оставленном» у меня паспорте, Юлька рывком перекидывает за спину свой длинный светлый хвост и встаёт.

Здесь я, по задуманному Юлей сюжету, очевидно, должен пасть на колени, обнять её ботики и с придыханием шептать: «Прости, прости, я тебя умоляю!» Но поскольку наш с ней роман, повторяю, закончен, а на полу в прихожей, как я уже говорил, разлиты грязные лужи, то я устало приваливаюсь к стене и прикрываю глаза. Из-под неплотно сомкнутых ресниц принимаюсь разглядывать три года назад идеально выведенный ремонтниками потолок и ожидать конца этой тупой и, в общем, вполне жизненной пьесы, потому что... да потому что Юля, отыграв свою роль, под занавес должна обязательно дать мне по морде и уйти, хлопнув дверью, чтобы через два, максимум через три дня позвонить мне и долго молчать в трубку, ожидая, что я раскаюсь и предложу ей вернуться. Впрочем, так вело себя большинство женщин, бывших у меня до неё. Так что в принципе ничего нового. Дальнейшее происходит ровно так, как озвучил вам я, за одним исключением.

– Паспорт, я полагаю, у тебя в сумке. А теперь ключи мне верни, – говорю я.

– Гад, сволочь, бабник... Тварь! – подобрав нужный эпитет, верещит Юлька, семенит ко мне и с ненавистью в пылающем взоре с грохотом припечатывает к стеклянной столешнице прихожей связку моих ключей (кстати, её ненависть такая же фальшивая, как и её исправ-

³ Театральный институт имени Бориса Щукина.

ленный ринопластикой нос), после чего заклепывает мне между глаз (с золотыми искорками, по словам душки-Женьки), разворачивается на десятисантиметровом каблучке ботика-сапога и вылетает за дверь, не забыв при этом как следует приложить дверь об косяк. От грохота двери на нижней полке вешалки качается маленький хрустальный ангел (подарок мне от одной из моих бывших любовниц). Потеряв равновесие, ангел кувырком устремляется на каменные плитки пола, чтобы рассыпаться в оставленной Юлей луже сотней блестящих и, в общем, давно никому не нужных осколков.

– Аминь, – говорю я, удовлетворённо кивая, огибаю хрустально-грязную лужу и запираю дверь, даже не удосужившись заглянуть в дверной глазок (ушла ли Юлька?). Возвращаясь к спальне, распахиваю дверь и вижу Женьку, которая сидит на кровати и, обхватив руками колени, с любопытством глядит на меня.

– Значит, сестра, да? – прерывает Женька молчание первой и выразительно разглядывает мою левую щёку, на которой просвечивает Юлькина пятерня (между прочим, тяжёлая).

– А что, не похоже? – Я изгибаю бровь, и Женька смеется.

– А ты и правда гад, – весело, словно ей всё это не в новинку, произносит она и, взбив ногами кокон одеяла, выпрыгивает из кровати. Дефилирует мимо меня и гордо бросает из-за плеча: – Я только в ванную и сразу же ухожу. Я с такими, как ты, не встречаюсь, у меня принципы.

– Какая прелесть! – хмыкаю я в её худенькую ровную спину, левая лопатка которой украшена изображением трёх бабочек синего, красного и зелёного цветов и загадочной надписью «True Love Is...⁴». – А как же *любофф* с первого взгляда к одинокому импозантному незнакомцу, к которому ты сама подседа в кафе пару часов назад?

– Дурак! – обиженно рычит Женька и хлопает дверью ванной.

– Дурак, – миролюбиво соглашаюсь я и шепотом зачем-то повторяю: – Точно, дурак...

Женька исчезает ровно через пятнадцать минут, на прощание всё-таки соизволив принять у меня пару крупных купюр «на такси» и, стыдливо спрятав глаза, прошептать: «Ну, ты звони, если что».

Но «если что» не будет.

Отдраив после неё ванну, закинул в стиральную машину постельное бельё. Возвращаясь в комнату, вынимаю из платяного шкафа вешалку с чёрным костюмом и начинаю неторопливо собираться. Разглядывая своё отражение в зеркале, размышляю о том, что моей лучшей подругой на все времена пока остается лишь моё одиночество. Впрочем, положив руку на сердце, надо признаться, что даже в сопливом детстве я не стремился к общению со своими сверстниками, прекрасно отдавая себе отчёт в том, кто такие они и кто я. В пятнадцать я, как и все, прошёл период отрицания очевидного и чуть было не пустил свою жизнь под откос. В шестнадцать научился сбрасывать адреналин традиционным для мужчин способом. И только в двадцать пять я, пожалуй, смирился с тем, что я никогда не стану таким, как вы. А теперь адреналина мне вполне хватает и на работе. Но если там ты зависишь от Бога и от людей, то дома ты принадлежишь только себе. Возможно, именно поэтому я не женат, за последнюю неделю меняю вторую любовницу и, судя по динамике моей личной жизни, медленно, но верно деградирую. Впрочем, это ещё не повод, чтобы сесть за стол, уронить в руки голову и напомнить себе, что мужчине нужно думать о ребёнке до пересечения роковой отметки в тридцать семь лет, потому что потом у твоего отпрыска возможны любые патологии, страшные и не очень.

«А он мне нужен, этот ребёнок?» – думаю я, и память услужливо преподносит мне сцену, разыгравшуюся в моей жизни почти тридцать лет назад.

«Сеня, Сенечка», – ласково называла меня женщина, канувшая в пустоту.

⁴ Настоящая любовь – это... (англ.)

«Проживи эту жизнь достойно – за него», – сказал мне ушедший за ней вслед мужчина.

Но судьба – это вещь, которую не может выбрать ни один человек, потому что она предначертана нам свыше. Правда, мне моя судьба досталась вместе с тайной, которую я предпочитаю не разглашать, но те, кто знал о ней, уже умерли, а тех, кто жив, она не интересует: их больше волнуют мои навыки и мои руки.

Стоя у зеркала и разглядывая свои нервные, чуткие руки, я заправляю серебряные, ещё «отцовские» запонки в прорези толстых манжет безукоризненно белой рубашки, возвращаюсь к шкафу и, перебрав пару десятков галстуков (подарки бесчисленных поклонниц, бывших моими пациентками, но никогда – любовницами), выбираю узкий чёрный галстук-«селедку», который прикупил в командировке. Вывязываю идеально-ровный узел, просовываю руки в рукава пиджака и принимаюсь тщательно укладывать щёткой ещё влажные после душа волосы.

Из серебристой глади старинного, оставшегося еще от моих «родителей» зеркала на меня смотрит высокий (метр восемьдесят два), ещё стройный (восемьдесят кг веса) тридцатилетний чувак с короткой современной стрижкой, модной небритостью (странно, но мне почему-то идёт) и ранней сединой (поэтому цвет волос – перец с солью). У субъекта в зеркале правильные черты лица, тонкий нос с горбинкой и зеленовато-карие глаза с золотистыми крапинками, так поразившие Женьку.

Но не объяснять же мне этой двадцатитрехлетней дурехе, которую я, судя по всему, никогда уже не увижу, что эти крапинки ничто иное, как пигментные пятна, которые чаще возникают на темноокрашенных, нежели на светлых радужках, а золотистый цвет обрамления указывает на слабость связочного аппарата позвоночника и склонность к невралгиям?

Да, вот такой он я – Арсен, точнее, Арсен Павлович Сечин, известный в научных кругах врач-хирург, работающий в Центре сердечно-сосудистой хирургии РАМН имени Бакулева, ведущий специалист в области сердечно-сосудистой хирургии, сотрудник Научно-консультативного телемедицинского центра, автор двух интересных методик и пары совсем не плохих книг, которые углядела на полке любопытная Женька.

И этот ведущий специалист, этот врач-хирург вместо того, чтобы выкинуть наконец надоевшую ёлку, поменять замки в двери или просто лечь спать, потому что после вчерашней операции он вымотался, как собака, сейчас наденет дублёнку, завяжет на шею тёмно-зелёный шарф и, прихватив ключи от своего чёрного, ничем не примечательного «Паджеро», поедет к чёрту на кулички – в бетонную коробку на Останкинском пруду, чтобы принять участие в ток-шоу о медицине, которое вы вряд ли посмотрите.

Захлопнув дверь, тщательно запираю её на все замки и жму на кнопку лифта. Лифт приходит, с лязгом распахивает передо мной металлические створки. Готовлюсь зайти в кабину, но тут в кармане моего пиджака раздаётся пиликанье мобильного. Мысленно чертыхнувшись, придерживаю одной рукой дергающуюся створку лифта, другой достаю из кармана «Нокиа». Смотрю на определитель: номер мне незнаком, но поскольку мои позывные знают все коллеги и практически все мои пациенты, прижимаю телефон к уху и шагаю в кабину:

– Да?

В трубке – характерный смехок.

– Арсен? Добрый день, это Марго, – уверенно произносит девица из телецентра, которая ухитрилась достать меня, ловко действуя через моего шефа. – Ну как, вы к нам едете?

«То есть теперь она меня ещё и контролирует, да?»

– Да, – еле сдержался, чтобы не наругать ей. Перехватив плечом телефон, костяшкой пальца нажимаю на кнопку первого этажа, в душе очень надеюсь, что сотовая связь прервётся вместе с уходом лифта в шахту. Но телефонный Бог сегодня, видимо, не на моей стороне.

– Так во сколько мне вас встретить на проходной? – настаивает девица.

- В час дня, как мы и договаривались.
- Ладно. Но если вы вдруг задержитесь, то обязательно перезвоните мне, потому что я не...
- Хорошо, до встречи. – Не дослушав её, я вешаю трубку. Пустая болтовня утомляет меня.
- «И я всегда приезжаю вовремя!»

3.

Телецентр «Останкино», Саша, ближе к часу дня.

«Ну что, Соловьёв, сорвала я тебе randevu?» Впрочем, завернув за угол коридора, я напрочь забываю про Игоря, достаю айфон и пытаюсь дозвониться до Марго, чтобы узнать про Сечина (как он выглядит, какое впечатление в разговоре на неё произвёл, ну и всё такое), но Рита пока недоступна.

«А она случаем не Сечина ли сейчас встречает?»

Раздумывая о своём (да, меня очень интересует этот врач-хирург, о котором я много слышала, но вживую не видела никогда), вхожу в приплывшую, уже полную коллег по цеху, кабину лифта. Здравуюсь со знакомыми, отвечаю на дежурный вопрос: «Как дела?», выслушиваю очередной анекдот дня из жизни передачи «Давай прямо завтра поженимся» («А она говорит: – Да нет, до нашей свадьбы он вроде не заикался...»), вежливо смеюсь и прибываю на пятый этаж, где находится бизнес-центр.

В бизнес-центре (открытое пространство с перегородками, в котором постоянно перемещается и разговаривает десятка три человек, что создаёт эффект постоянного шума и гула) останавливаюсь у третьего слева стола. За столом, спиной ко мне, сидит ассистентка Марго – Таня. Таня двадцать два, учится в Институте журналистики на заочном, стрижена под «боб», крашеный в цвет «баклажан», одета в серую толстовку с портретом Путина) прижимает плечом к уху телефонную трубку. Согнувшись в три погибели, Таня хмурится, вертит на пальце прядь волос и периодически порывается открыть рот, чтобы что-то сказать, но её телефонный собеседник, очевидно, не даёт ей вставить и слова, потому что после очередной безуспешной попытки Таня морщится и принимается снова терзать баклажанную прядь. Сообразив, что у Тани надолго, осторожно трогаю её за плечо. От моего легкого прикосновения ушедшая в монолог собеседника Таня подпрыгивает, в последний момент ухитряется подхватить выпавшую из зажима плеча трубку и выкатывает на меня возмущённые глаза. Узнав меня, с облегчением выдыхает.

Опираюсь на стол и наклоняюсь к ней:

– Говорить можешь? – Таня выразительно закатывает глаза и скашивает их на трубку. – Понятно, не можешь. Где Марго? – тем не менее, не отстаю я.

– Не знаю, Лида куда-то послала, – прикрыв рукой трубку, скороговоркой выстреливает Таня.

– Гостей для ток-шоу встречать? – Таня непонимающе глядит на меня. – Сечин приехал? – Таня, наморщив лоб, пожимает плечами. – Так, ясно, не в курсе... А где Лида? Сценаристы где? – Таня, подумав, пару раз тычет большим пальцем руки себе за плечо. – В комнате? – Таня кивает. – У вас в комнате?

Тут наша пантомима из моих вопросов и невнятных ответов Тани заканчивается, потому что Таня, воспользовавшись паузой, которую, видимо, предоставил ей её выдохшийся телефонный собеседник, сдвигает брови и решительно идёт на прорыв:

– Андрей Георгиевич, ну я же с вами не спору, – с нежными, практически дочерними интонациями, выдыхает в трубку Таня. – Нет, ну конечно, вы правы, в прошлый раз мы дей-

ствительно допустили бестактность, поставив вас в один эфир вместе с Жириновским. Но сейчас-то у передачи совсем другая концепция? И к тому же, ну кто лучше вас, уважаемого представителя Мэрии, может рассказать о проблеме уборки улиц зимой?

Из трубки немедленно доносится возмущённый мужской рёв. Таня жалобно морщится и отдёргивает трубку от уха. Улыбнувшись и мысленно пожелав Тане удачи, я отхожу от её стола. Дальнейшие Танины увещевания, напоминающие голубиную воркотню, тонут в гвалте голосов других журналистов, пытающихся набить свой собственный эфир такими же говорящими головами.

Преодолевая остатки гудящего, галдящего и бормочущего пространства, ухитряюсь «не заметить» двух кинувшихся ко мне незнакомых молодых людей и прибавляю шаг. Огибаю столы, принтер, выплёвывающий цветные слайды, распаиваю дверь с табличкой «Студия 3: Время говорить» и скрываюсь за ней. Здесь святая святых – внутренняя кухня ток-шоу, где когда-то работала я и куда снова откомандировал меня Игорь.

В большой комнате (двадцать пять квадратных метров, грязно-белый фальшь-потолок с круглыми дырочками для вентиляции, гулкий офисный ламинат, светло-серые стены, плотно увешанные календарями с логотипами спонсоров и стёбными фотографиями, взятыми с прошлого монтажа) стоят сдвинутые по периметру ДСП-столы с ноутбуками и МАКовскими компьютерами. Картину довершают два старых кресла потрескавшейся бежевой кожи, новенькая лаковая кофемашина, душераздирающий запах хорошего кофе и, как напоминание о празднике, который давно прошёл, опутанная мишурой тощая ёлка.

В комнате находятся пять человек. Трех я прекрасно знаю, это сценарист ток-шоу Димка Абгарян (мой ровесник), его помощник Генка и режиссёр программы Лида Ааронг. С двумя я пересекалась, это девушка-стилист и девушка-гример, которые всегда работают вместе. Других членов съёмочной группы в комнате нет (Марго, к сожалению, тоже).

– И снова здравствуйте, коллеги, – иронично кланяюсь от двери я.

Сценаристы (Генка и Димка, стоят, опираясь локтями о стол, уткнувшись в один компьютер и развернувшись к двери тем хрестоматийным местом, на котором я обычно сижу) оборачиваются. При виде меня Димка с мученическим видом заводит под потолок глаза. Постояв так секунду, сухо кивает мне и начинает воинственно подворачивать рукава неизменно чёрного свитера. Генка (белая футболка с жизнерадостным принтом, вельветовые брюки и тоннели в ушах) расплывается в счастливой улыбке, очень напоминающей предвкушение, садится на стол, складывает пальцы в знак «Victoria» и вместо приветствия салютует мне, интригуяще поблескивая стальным кольцом на большом пальце руки, после чего выразительно скашивает глаза на Димку.

– Соскучился без тебя, – произносит одними губами.

Лида, разговаривая по мобильному, продолжает нарезать по комнате небольшие круги и упорно меня игнорировать.

– Здравствуй, Саша, – вежливо отдуваются за всех девушки, которые сидят в креслах, чинно пьют кофе из стеклянных голубых чашек и тихо переговариваются между собой.

– Мило, – кратко резюмирую я ситуацию.

Димка, подумав, демонстративно подтаскивает к себе металлический стул, противно царапая пол задними ножками, и усаживается на него, спиной ко мне. Толкает в бок Генку.

– А, что? – нехотя оборачивается тот.

– Ты почему ссылки не вставил? – тоном, каким задают вопрос: «Ты почему не ночевал дома?», интересуется Димка.

– Какие ссылки? – не догоняет Генка и отчего-то пугается.

– Те самые ссылки, к ток-шоу. Первая ссылка – на законопроект по телемедицине Минздрава, вторая – тоже на законопроект по телемедицине, но Института развития интернета. Я

тебе их ещё неделю назад присылал и очень просил сохранить, – голосом умирающего лебедя поясняет Димка.

– А ты разве просил? – Генка пугается ещё больше, слезает со стола, утыкается в монитор и принимается быстро возюкать по коврику мышкой. Понаблюдав за его манипуляциями, Димка тяжело вздыхает и подпирает щёку рукой:

– Так, ну и где мои ссылки?

– Ну слава Богу, Аасмяэ пришла! – язвительно восклицает Лида и, закончив разговаривать по мобильному, щёлкает кнопкой Bluetooth. На Лиде (ей хорошо за сорок) тёртые джинсы мужского покроя, на ухе – гарнитура, на носу – очки типа «Clic» в ядовито-красной оправе. – Ты где болтаешься? Я только что с Игорем разговаривала, он сказал, ты десять минут назад к нам пошла, – с места в карьер берёт Лида.

– Так я и пришла к вам через десять минут, – усмехаюсь я.

– Н-да? – Лида вскидывает руку и удивленно глядит на свои наручные, такие же ядовито-красные, как и оправка её очков, часы. – Да, и действительно. Ну, раз пришла, то тогда давай в темпе, – и Лида принимается нетерпеливо подталкивать меня в поясницу, пытаясь развернуть в сторону гримёрки.

– Подожди-ка, подожди, – уворачиваюсь от Лиды я, – где Марго?

– Тебе срифмовать? – недовольно сверкает очками Лида.

– Не надо мне рифмовать, – моментально иду в отказ я и задаю второй важный вопрос: – А подводки мои готовы?

В углу тихо фыркает Генка. Перехватив мрачный взгляд Димки, моментально делает сосредоточенное лицо и утыкается в монитор. Димка поднимает на меня страдальческие глаза:

– Ещё не готовы, а что?

– А то: прежде, чем на суфлёр их выкладывать, мне покажи. А то будет, как в прошлый раз, – напоминаю я.

– Правда? – моментально оживает Димка. – А чё, в прошлый раз не понравилось? Ничего, за пять минут до эфира посмотришь, как все нормальные люди... Тоже мне, Андрей Малахов выискался, полуэстонского разлива! – колко (и довольно остроумно) замечает в мой адрес Димка, намекая на моё полурусское происхождение, и дёргает заулыбавшегося было Генку за руку. – Так, ты-то хоть на неё не отвлекайся, и так времени ни на что нет. Между прочим, из-за неё! – второй раз выстреливает в меня Димка.

– Так, а я тут причём? – не понимаю я.

– А ты никогда не замечала, что когда ты появляешься и начинаешь говорить, то все вокруг тебя перестают думать? – ехидно добивает меня Димка контрольным, и я прямо чувствую, как во мне начинает разгораться привычный азарт.

– Ах, так? – и я разворачиваюсь к Лиде. – Вот тогда пусть он, – киваю на Димку, – этот ваш «думающий» комик-сценарист, перед камерой и отдувается. Глядишь, и к «Stand-Up» от ТНТ по рейтингам подберётся. – Поскольку Димка предпочитает смолчать, делая вид, что ему мои остроты до лампочки, то я поворачиваюсь к девушкам и кручу пальцем вокруг своего лица: – Только вы, прежде чем этого Мартиросяна в эфир выпускать, загримируйте его, как следует. Много грима не надо, а то армянский эффект смажется. Нужно только убрать с лица эту его пост-коньячную одутловатость.

Девушки переглядываются и вежливо улыбаются. В углу тихо, тайком ржёт Генка.

– Да иди ты, Аасмяэ, вообще, – обижается на меня Димка, который, к слову сказать, совершенно не пьёт, и бубнит себе под нос: – Теперь вообще у меня ничего не получишь...

– Правда? – радуюсь я. – Ну, тогда я на сегодня свободна. Вам – welcome в эфир вместе с новым ведущим, мне – tere tulemast koju. Если по-русски, то я домой. – Сую руки в карманы джинсов и направляюсь к выходу.

– Господи Боже мой, да как же вы мне надоели-то оба, а? – стонет за моей спиной Лида. – Полгода, как не работают вместе, а увидят друг друга, так всё: обязательно сцепятся.

– Неправда, – хором протестуем мы с Димкой, – мы не такие.

Девушки, прикрывшись чашками с кофе, тихо хихикают. Генка в углу молча бьётся в истерику.

– Всё, я увольняюсь. Завтра. Между прочим, из-за неё, – ни к кому конкретно не обращаясь, мрачно говорит Димка.

– Я тебя тоже люблю, – смеюсь я, – хочешь, я тебя к себе заберу, как Чебурашку в коробке из-под апельсинов – или что там у вас в Ереване растёт?

Судя по довольному блеску в его глазах, Димка абсолютно не против, что называется, уйти под меня, но хмурится и порывается открыть рот, чтобы что-то сказать.

– Я тебе заберу, я тебе так заберу! – вмешивается Лида. – Заберет она его... А мне тогда с кем прикажешь работать? Вот с этим фруктом, который вечно ссылки теряет?

Генка в углу недовольно поднимает голову.

– Между прочим, я всё слышал, – бубнит он.

– Слышал – и на здоровье, – отбрасывает его Лида. – Так, всё, закончили этот цирк.

– Но... – требует справедливости Генка.

– Я сказала, закон-чен ба-ла-ган! – Лида повышает голос и, словно подчёркивая весомость своих слов, бьёт раскрытой ладонью по спинке кресла, в котором сидит гримёрша. Потёртая кожа кресла противно чмокает, девушка, чуть не выронив чашку, ойкает, чем, к несчастью, и привлекает внимание Лиды.

– Так, вот с вас, пожалуй, и начнём, – зловещим голосом произносит Лида и обводит прищуренным взглядом притихших девушек. – Ну, что сидим, кого ждём? Особое приглашение требуется? Между прочим, гримёрка – там, – и указующий перст Лиды устремляется в сторону смежного помещения.

Девушки, украдкой вздохнув, встают, деликатно возвращают стеклянные чашки на стол. Гримёрша подхватывает стоявший у её ног алюминиевый чемоданчик с логотипом «L'Oreal», стилист – коричневую сумку с фальшивой латунной нашлёпкой «Луи Вюиттон», после чего обе девушки скрываются в соседней комнате.

– Отлично, – проводив их глазами, удовлетворённо кивает Лида и поворачивается к надувшемуся было Генке: – Так, ты. Быстро ссылки ищи. Ты, – взгляд на вальяжно раскинувшегося на стуле Димку, – распечатай Аасмяэ подводки, она всё равно не отвяжется. А ты быстро в гримёрку пошла! – и Лида, поднажав, ухитряется вытолкнуть меня в комнату к девушкам.

– А за Чебурашку пусть ей Марго подводки теперь распечатывает, – доносится до меня из-за двери вредный Димкин голос.

Собираюсь пульнуть ему в ответ что-нибудь не менее гадкое, но Лида уже захлопнула дверь и привалилась к ней спиной, показывая, что на сегодня наш спарринг с Димкой закончен. Разочарованно вздохнув, принимаюсь стягивать куртку. Девушки распаковывают сумки, и на длинном гримёрном столе появляются чёрные дерматиновые чехлы с кистями, корректирующие палетки, тональники, тушь и прочая атрибутика для профессионального грима. Я развязываю шнурки кроссовок, попутно разглядывая висящий на вешалке синий женский костюм.

– Почему брю-брючный? – глухим голосом интересуюсь я (во-первых, я в полупоклоне, во-вторых, кнопка на джинсах немилосердно впилась мне в живот, в-третьих, в такой позе разговаривать в принципе неудобно).

– Игорь звонил, сказал, у тебя царапина на колене, – скороговоркой бросает мне Лида, к этому моменту уже успевшая вытащить из кармана айфон и погрузиться в изучение своих смс, длинных-длинных, как простыня. Водит по дисплею пальцем с коротким ногтем, бросает

на меня из-под очков острый взгляд: – Так, ты про Марго спрашивала? К твоему сведению, Марго уже первого гостя встречает.

Я поднимаю голову:

– И кто первым приехал?

– Сечин, – насмешливо говорит Лида. – Надо же, а ведь как упирался-то, а?

«Он-то, может, и упирался. Только у Игоря возможностей больше...» Поддеваю носком пятку кроссовки, сбрасываю обувь, и кроссовки со звуком резиновых мячей гулко падают на ламинат пола. Левой ногой загоняю кроссовки под стул.

– Прости, что ты сказала? – нехотя отрывается от телефона Лида.

– Я говорю, я кофе хочу. А царапину можно замазать, – кошусь на стол гримуборной. – У девочек наверняка нужный корректор есть.

– Не можно. Можно было меньше на лыжах кататься, – сообразив, к чему я клоню, отбрызгивает меня Лида. Спускает очки на кончик носа, недовольно глядит на меня поверх пластиковой оправы: – Слушай, Сашка, не ищи мне лишней работы, а?

– А ты тогда не завидуй. – Сажусь на стул и стягиваю носки. – Между прочим, мы тебя с Игорем приглашали.

– Это куда?

– Куда? А в Куутсемяэ.

Куутсемяэ – это такой горнолыжный курорт на юге Эстонии, расположенный в четырнадцати километрах от городка Отепя, где живут мои мама и папа.

– Мм, мне делать больше нечего, как лазить с вами по эстонским горам, – иронично кивает Лида. – Ты мне лучше вот что скажи: ты в курсе темы ток-шоу, которое будешь вести? Топик себе представляешь?

«Кто, я? Да безусловно! К тому же, у меня к этой теме свой интерес». Вспомнив о Даниле и о том, как он порой мучительно задыхается, впиваюсь зубами в мякоть нижней губы и прикусываю – до боли. Кто бы знал, как же сильно я жалею о том, что наша жизнь в принципе необратима, потому что будь Данька изначально моим – и всё было бы по-другому.

– Ага, представляю.

Наклонившись – так, чтобы спрятать от вездесущей Лиды своё лицо, скатываю носки в шарики. Но – то ли потому что мои пальцы дрожат, то ли я никак не могу с собой справиться – шарики не получаются, и я просто сую оба носка в кроссовку.

– Ну, дальше? О чём ток-шоу? – подгоняет меня Лида, с интересом разглядывая из-под очков мои голые пятки.

– Ну, – поднимаюсь со стула я, – речь, как я знаю, пойдёт о новых технологиях в медицине.

– А если поконкретней?

– А если поконкретней, – тру правый глаз, – то ток-шоу будет посвящено телемедицине, то есть практике, при которой некий врач некоего профильного медучреждения, где есть специальное оборудование и выделенный канал связи, может дистанционно, то есть по видео, в режиме реального времени, проводить обследование пациентов, – кратко излагаю суть я и смотрю на Лиду. – Ну как, устроит такой ответ?

– Мм, устроит. Очень. – Лида в свой черёд с подозрением глядит на меня. – Это Игорь тебя так за десять минут натаскал?

– Чего?!. А, ну да, Игорь.

Переkreщаиваю на груди руки, собираю в гармошку трикотажную кромку свитера и тяну свитер вверх.

«Игорь? Да ему плевать на это с высокой башни... например, с Останкинской. Это я бьюсь, как рыба об лёд, изыскиваю способ, как пристроить Данилу на обследование к хорошему специалисту, вот и учу попутно матчасть. А Игорь... ну, Игорь, видимо, решил убить разом

двух зайцев: вытащить на передачу нужного мне врача и ток-шоу ваше спасти, прикрыв мной брешь с ведущей».

Но всё это, разумеется, я не собираюсь объяснять вслух, тем более Лиде. Вместо этого я говорю:

– Лида, про гостей мне расскажи. Кто в студии будет?

«И начни прямо с Сечина».

Лида, с трудом оторвав глаза от вида моих голых ребер, утыкается в свой телефон. Я попутно выдираюсь из свитера.

– Так, гости, гости, – бормочет Лида, – а, вот. Первый гость – Репин. Зовут Юрий Михайлович, сорок восемь, женат, трое детей, высшее образование, есть награды, ученая степень...

Подумав, выглядываю из-под свитера. Так и есть, Лида читает мне вслух смс-ки, очевидно, присланные ей Марго. Что называется, для памяти.

– А если... без... этих... дурацких... подробностей? – с трудом выпутываю голову из узкого горлышка свитера я.

– А если без этих дурацких подробностей, – передразнивает меня Лида, – то Репин с двухтысячного работает в Минздраве, с ноября прошлого года ушёл в политику и теперь совместно с нижней палатой парламента лоббирует свой законопроект по телемедицине. Вот.

– Здорово. – Выдравшись из свитера, принимаюсь его складывать. – То есть Репин в начале ток-шоу будет упирать на то, как всё клёво там, за бугром, и как всё здесь у нас плохо? А в заключении ещё и статистику для оппонентов приведёт: столько, бабушек у нас, прости, померло, пока государство искало деньги на воплощение всех его инициатив, – насмешливо смотрю на Лиду. Поскольку Лида молчит, но недовольно хмурится, бросаю свитер на спинку стула. Вдыхаю: – Ладно, второй кто?

«Лида, давай про Сечина».

– Второй – Бастрыкин, тоже Юрий, но Иванович, – говорит Лида, и я, мысленно закатив глаза, так же мысленно издаю тяжкий стон. – Тридцать три, дважды женат, от первого брака есть дочка. Высшее образование... Впрочем, подробности сама в подводках посмотришь, – поймав мой взгляд, быстро сворачивает наметившуюся было лекцию Лида и раздраженно поправляет очки. – Главное, ты вот что запомни: Бастрыкин – депутат, на хорошем счету... на очень хорошем счету... там! – Лида многозначительно поднимает глаза на потолок. – И ещё: он выдвиженец партии «За новое Отечество». И тоже лоббирует свой законопроект по телемедицине, но вместе с Институтом развития интернета.

– То есть этот хочет у врачей счёты отобрать и вручить им компьютеры? Очень актуально. Особенно, для Отечества. Тем более, в 2017-м году, – иронично киваю я.

– Так, я что-то не пойму, тебя чем технический прогресс не устраивает? – пытается шутить Лида и машинально поправляет на ухе гарнитуру Bluetooth, из чего я делаю вывод, что она-то как раз с прогрессом шутить не намерена.

– Почему это не устраивает? Меня всё устраивает, – пожимаю плечами я.

И меня действительно всё устраивает, потому что в «Бакулевском» – это как мне один врач рассказывал – проводят лучшие в России консультации по болезням сердца. И если на приём к отличному врачу – например, такому, как Сечин, – попасть практически невозможно, потому что к нему очередь, как от «Останкино» до Луны, то тот же Сечин проводит плановые телеконсультации для пациентов. А раз так, то после эфира я вполне могу подойти к нему и спросить, как устроить Даньку на подобную консультацию?

Но и это я не собираюсь объяснять Лиде. Вместо этого спрашиваю:

– Слушай, Лида, а зачем вы всё-таки чиновников на передачу позвали? Тема ведь сама по себе интересная. Можно было бы рассказать, как всё это работает, что эта услуга даёт, где её получить, ну и всё такое. А теперь всё опять в политику скатится?

Повисает пауза.

Покосившись на девушек (закончив раскладывать на столе примерную атрибутику, они отошли к окну и теперь тихо беседуют), Лида прикусывает мелкими нижними зубками верхнюю губу. Пожевав нанесенный на неё девичий розовый блеск, поправляет очки и придвигается ко мне ближе.

– Саша, – вкрадчиво начинает Лида, – ты, конечно, меня прости, но нам с Игорем в передаче нужна острота. А врач – он и есть врач. Что с него взять? В худшем случае, будет петь дифирамбы своей профессии, в лучшем – один раз клянет Минздрав, ну и, может, ещё по государству проедется. А Репин и Бастрыкин у нас уже были, люди они тёртые, друг с другом давно знакомы, порядки наши знают, так что тебе в эфире не придётся раскачивать их по полчаса. Проблема может быть только с Сечиным.

«О как!» Подумав, присаживаюсь на стол:

– Ну и в чём ты видишь проблему?

– А мы Сечина не знаем, он у нас никогда не был, – насмешливо кривит губы Лида и даже по-клоунски разводит руками. – Но поскольку – это как Афанасьева здесь всех уверяла, – парень он злой, язык у него въедливый, и, к тому же, он изначально не был настроен к нам ехать, а мы на него надавили, то у меня есть надежда, что ты дождёшь его до нужных эмоций в эфире.

– Подожди-ка, подожди, тебе перепалка, что ли, в эфире нужна? – наконец догоняю я.

– Мм, перепалка... Мне острота нужна! – взвизгивает Лида и принимается ожесточенно загибать пальцы: – Зрелищность – раз! Интрига – два! Накал – это три! А если хочешь, то и скандал в духе НТВ. И вообще... – тут Лида толкает небольшую речь о целях и задачах нашего канала, в которой, в частности, встречаются такие убийственные словосочетания, как «воздействие на целевую аудиторию», «злободневность топики» и «высокий индекс цитируемости», а до меня окончательно доходит, что на последней планёрке у генерального Лиду с Игорем все-таки взгрели.

«Так, теперь понятно, зачем я вам в ведущих понадобилась, – думаю я, разглядывая мерно открывающийся и закрывающийся Лидин рот. – Только, боюсь, я вас сейчас очень разочарую, потому что скандал с Сечиным в мои планы не входит. Потому что я не хочу с ним ругаться, а наоборот, я хочу подружиться с ним. Ну или, по крайней мере, попытаться договориться».

– Так что я на тебя очень рассчитываю, – веско заключает Лида, но тут, к счастью, её мобильный издаёт характерный писк, Лида сурово поднимает вверх брови, призывая меня к молчанию, и нажимает на кнопку Bluetooth:

– Да, Слава, я тебя слушаю.

Слава (к слову) – ещё один член нашей съёмочной группы, отвечает за техническое обеспечение, за монтаж, за декорации, за... короче, подай-принеси. Но поскольку это вообще не важно, то я, прикидывая, как бы мне половчее загасить в эфире чиновников, чтобы вытянуть Сечина (мужчины ведь любят лёгкую лесть, да?), принимаюсь стаскивать джинсы. Спустив вниз по ногам узкие штанины, складываю их и бросаю джинсы на спинку стула, где уже висит мой свитер. Завожу руки назад и берусь за застёжку лифчика.

– Зараза! – рычит за моей спиной Лида. Вздрыгнув, я оборачиваюсь. – Нет, ну ты представляешь, – мазанув любопытным взглядом по моим ногам и груди, жалуется Лида, – у декорации опять отвалился задник. Раз в месяц – и вот такая лабуда! Нет, ну я точно с ума сойду.

– Славку не убило? – подумав, вежливо интересуюсь я.

– Как же, убьёшь вас, – Лида вскидывает руку и смотрит на часы. – Ладно, мы пока в графике... Значит так, я сейчас отойду, схожу посмотрю, что у нас с декорациями, а ты, – строгий, начальственный взгляд на меня, – информацию на Сечина возьми у Марго, так что к Димке больше не приставай, больше одной чашки кофе не пей, а то зрачки в камере будут, как у стрекозы, и... – и Лида принимается разглядывать меня, как куклу в магазине. Оценив размеры

бедствия, поворачивается к девушкам. – У Аасмяэ, – небрежный кивок в мою сторону, – опять эти вечные синяки под глазами, так что грима вокруг глаз ей побольше, румян ей не надо, её лучше контрастным тональником, ну и растушевать. Причёску гладкую, оптимально пучок. Ну, а пробор... – и Лида со вкусом прищуривается, – а пробор ей на правую сторону.

– Я на правую не ношу, так что мне на левую, – вмешиваюсь в этот междусобойчик я, – мне на правую нельзя: я у вас в камере буду топорщиться.

– Господи, ну что за человек, а? Я ей слово, она в ответ десять. Всех знает, всё знает. То лыжи, то Димка, то Сечин, то... короче, – Лида обречённо машет рукой, – делайте ей пробор, куда она там захочет, но костюм чтоб не менять! – Оставив за собой последнее слово, Лида берётся за ручку двери, но в последний момент всё-таки оборачивается. – Слушай, и как с тобой Игорь живёт? – глубокомысленно бросает она в воздух.

«А он никак не живёт – он просто мной пользуется. Но до тех пор, пока он принимает Данилу, меня все будет устраивать. Только тебя, дорогая Лида, это никак не касается».

– Без понятия. Слушай, а ты спроси у него? А потом мне расскажешь, – советую я Лиде и с удовольствием скребу ногтем кожу под косточкой лифчика. Скидываю лифчик. В этот раз Лида предпочитает деликатно отвести глаза, промолчать и уйти, оставив скользкую тему моей личной жизни в покое. Дверь закрывается. Девушки переглядываются и с облегчением выдыхают. Стилист протягивает мне короткий белый махровый халат.

– Саш, тебя как красить? – покосившись на дверь, за которой скрылась Лида, спрашивает гримёрша.

– Как обычно. Как хочешь. – Надеваю халат, беру телефон, сажусь на стул. Набиваю Марго смс-ку:

«Ты где?»

Ответ приходит через секунду:

«Интервьюирую Сечина ((».

«Ну и как он?» – печатаю я.

– Саш, вверх посмотри, – просит гримёрша.

– Сейчас, сейчас, минуточку... – постукивая телефоном по подбородку, я жду ответ от Марго. Наконец, он приходит, но то, что я вижу, убивает меня просто наповал:

«Ох, Сашка (жёлтый смайлик бьёт себя по лбу). Короче, через 15 минут я у тебя. PS. Он ходячий секс и редкостный гад».

4.

Телецентр «Останкино». Арсен. На полчаса раньше и на этаж выше.

« – Это что, обязательно? – Я стою в узкой комнате и ошарашенно смотрю на Марго, чьё имя всю дорогу навевало мне милые воспоминания о наивных романах Дюма. Но именно, что «напевало», потому что то, что я увидел перед собой, и то, чем мне только что предложили заняться, превосходит все мои ожидания.

Самое интересное, что я с самого начала знал: ну не надо мне сюда ехать! С самого утра всё сразу пошло не так – скандал с Юлькой и дурацкий, никчёмный секс с Женькой. Утренний разговор в лифте с Марго привёл к тому, что я выронил из зажима плеча «Нокиа» и испугал телефон в вязкой луже из мокрого снега и грязи, натёкших на пол лифта с чьих-то ног. Попытка вытащить из кармана дублёнки бумажный платок и оттереть им пальцы и телефон закончилась тем, что я ухитрился вымазать грязью ещё и карман дублёнки. Раскопав машину и очистив её от снега, я был вынужден метров сорок тащиться за доходягой-трактором, который неторопливо чистил проезжую часть улицы (а по факту, сгребал снег обратно к обочине). Преодолев три жутких пробки на Рублёвском шоссе, из которых я еле вырвался, рискуя при-

лично поцарапать «Паджеро», я гнал всю дорогу, чтобы не опоздать в этот долбаный телецентр. И зачем, спрашивается? Чтобы ещё десять минут сидеть в машине, раздражённо тереть переносицу и ждать, когда мне соизволят вынести пропуск?

На одиннадцатой минуте моего ожидания, когда я дошёл до мысли о том, что вообще-то надо воспользоваться опозданием Марго как предлогом, чтобы свалить отсюда и, соответственно, не ходить ни на какие ток-шоу, в окно моего «Паджеро» кто-то постучал. Покосившись на худенькую, прыгающую у машины фигурку, я приоткрыл окно, готовясь послать стукача в палисад, если мне только предложат купить «раритетные книги», или «посуду из Венгрии», или «универсальную зарядку для телефона» – короче, всю ту беспросветную муть, которой торгуют на перекрёстках Москвы – когда услышал характерный хрипловатый смешок.

– Добрый день, я Марго, – заносчиво произнесла фигурка, и я, мягко говоря, слегка ошалел, потому что останкинская Королева Марго оказалась девочкой лет двадцати, которая косила под мальчика, который почему-то косил под мажора, который в свою очередь зачем-то косил под бомжа. Оглядев короткую стрижку на волосах цвета воронового крыла, ассиметричную длинную чёлку, выкрашенную в синий цвет (может, это под цвет её глаз?), убитые чёрные джинсы, кеды и пуховик, мне захотелось задать ей только один вопрос: «А мать знает, что ты так ходишь?» Вместо это я молча кивнул и выбрался из машины. На проходной послушно вручил ей свой паспорт, вместе с шаркающей ногами толпой прошёл досмотр у охранников и ещё долго петлял за Марго по длинным останкинским коридорам, наводящим на мысль о катакомбах времён войны, где пахло театром и табаком и где все носились с таким выражением на лицах, словно надо хватать мешки, потому что вокзал отходит.

Знаменательным аккордом в моей останкинской саге выступил скоростной лифт, до предела забитый бабушками, которые возбуждённо переговаривались и тискали в сухоньких пальцах бутылочки с водой и пакетики с бутербродами и «Корвалолом». Бабушки (это как мне снисходительно пояснила Марго) являли собой «самую активную часть массовки современных публицистических передач» и теперь дружной стайкой отправлялись на запись ток-шоу «Пусть говорят, что хотят».

Бабушки в итоге выкатились из лифта на пятом этаже. Я доехал с Марго до шестого и оказался в комнате с чарующей надписью «Гримуборная», где меня, как меня только что просветила Марго, собирались загримировать.

– Это что, обязательно? – решив, что это какой-то новый прикол, спрашиваю у Марго я.

– Обязательно, обязательно, Арсен, а то блестеть перед камерой будете, – жизнерадостно вмешивается в наш с Марго дискурс парень лет двадцати пяти, который десять секунд назад представился мне, как «Алик, стилист». Поскольку у Алика романтический взгляд голубых глаз, татуаж бровей, а на макушке – вообще пучок, то я начинаю подозревать, что Алик – не из моего лагеря. И хотя я далеко не гомофоб, а моя профессия врача вообще лежит в той запредельной области, где ориентация пациента интересует тебя в самую последнюю очередь, согласитесь, у всего есть предел. И мне жутко не нравится, когда на меня ласково смотрит взрослый мужик с пучком на голове.

– Лучше Арсен Павлович, – отбрываю Алика я, и Алик перестаёт улыбаться.

– Ладно, – Марго, к тому времени успевшая снять пуховик и забросить его на вешалку, усмехается и подкатывает ко мне кресло на роликах. – Вот, прошу, Арсен... *Палыч*, – с иронией предлагает она.

Поймав взглядом её большие и нагловатые глаза (кстати, они у неё оказались действительно ярко-синими), я облакачиваюсь на спинку кресла и переплетаю пальцы. Молча смотрю на неё. Так проходит секунды две-три, и в комнате разливается ни с чем не сравнимая тишина, прерываемая лишь дыханием Алика.

– Что-то не так? – на четвертой секунде начинает юлить Марго.

Поднял брови, вздохнул, отлепился от кресла и направился к вешалке. На ходу расстёгивая дублёнку, попутно рассматриваю комнату, в которую Марго заманила меня.

Самое забавное заключается в том, что, представляя себе «Останкино», я ни разу не задумывался над тем, что здесь в принципе должны быть подобные помещения. Как это всё выглядит? Ну, представьте себе длинную узкую комнату с офисным ламинатом, бледно-серыми стенами, с грязно-белым фальшь-потолком, в прорезях которого кто-то остроумный догадался закрепить канцелярские скрепки, и теперь с них на алых ленточках свисают вниз красные и чёрные ёлочные шарик. У стены, где стоит вешалка, рядом с которой стою я – строй малобюджетных стеклянных шкафов типа «ИКЕА», секция «Всё для ванной». На полках – коробки, контейнеры, какие-то пузырьки, плетёные корзинки и красные и черные махровые полотенца, сложенные в четверть. Шкафы перемежают огромные глянцевые плакаты с портретами полуголых девиц продукции «L'Oreal». К противоположной от входа стене прикреплён длинный и узкий стол толстого серого пластика, к которому придвинуты три красных кресла на роликах. Над столом висит длинное узкое зеркало с подсветкой такой мощности, какой у меня даже в операционной нет. Остаётся добавить, что в комнате висит характерный сладковатый химический запах, отчего помещение окончательно напоминает мне салон парикмахерской, расположенный в доме, напротив которого я живу и куда я регулярно стричься хожу.

Вдоволь налюбовавшись на комнату, неохотно стягиваю дублёнку и принимаюсь развешивать её на пластиковых «плечиках», игнорируя взгляды Марго, которыми та упорно сверлит мою спину. Медленно, уже совсем нехотя, разматываю с шеи шарф, пристраиваю его на рожки вешалки и разворачиваюсь к Алику.

– А пиджачок лучше снять, – нежно щебечет Алик. Мысленно закусив губу, расстёгиваю и пиджак и отправляю его на соседние «плечики». – И воротничок рубашки тоже расстегните.

– Вы не против, если я хотя бы брюки оставляю? – освобождая верхнюю пуговицу ворота, интересуюсь я. Марго, посмотрев на меня, хмыкает и отворачивается.

– Хи-хи, – заискивающе дребезжит Алик и приветливо помахивает перед моим носом чёрной клеёнкой-накидкой, какую на меня надевают в той же парикмахерской. – Садитесь в кресло, Арсен Павлович.

«Ладно, чёрт с вами, сяду...» Ползу к креслу, устраиваюсь. Повеселевший Алик принимается бегать вокруг меня, окутывая меня клеёнкой, а я мысленно морщусь, когда моей шее и челюсти касаются его холодные влажные пальцы.

– Арсен Павлович, хотите чай или кофе? – берёт светский тон Марго и плюхается в соседнее кресло. Подсовывает тощую ножку под такую же тощую пятую точку, повертевшись, устраивается поудобней, после чего, изогнувшись, вытаскивает из кармана джинсов айфон 7 в чёрном, родном чехле.

– Спасибо, нет, – отвечаю я, краем глаз наблюдая за Аликом, который, замотав меня, увлечённо копается в косметичке.

– Арсен Павлович, а можно, я у вас кое-что уточню? Просто вы у нас никогда не были, а мне для ток-шоу нужно, – небрежно сообщает Марго.

Что ей надо, я не знаю, но, подумав, уже собираюсь кивнуть, и тут Алик вынимает из косметички здоровенную кисть и теперь подбирается с ней. Ко мне.

– Это пудра, – ловит мой подозрительный взгляд Алик, – корректор вам не нужен, у вас кожа очень хорошая. Пожалуйста, глазки закройте.

«У меня кожа очень хорошая... Ах ты, боже мой! – Поднимаю глаза на потолок: – Господи, ну скажи, ну зачем ты так со мной? Ну что я тебе сделал плохого? С утра была Женька, потом пришла Юлька...»

Но поскольку всё это я уже вам рассказывал, то сейчас мне нереально хочется плюнуть на всё, встать и уйти. Вместо этого послушно закрываю глаза, и Алик принимается увлечённо возюкать по моему лицу кисточкой.

– Арсен Павлович, вы родились 1 января 1981 года, в Москве? – влетает в мои уши голос Марго. Поскольку у меня есть все основания очень не любить этот вопрос, приоткрываю правый глаз. Марго, оттолкнувшись пяткой от пола, подкатывает ко мне на кресле.

– Вы же видели мой паспорт, – подумав, отвечаю я.

– Я? – Марго талантливо округляет глаза.

– Вы, – говорю я и чуть не получаю от Алика кисточкой по зубам.

– Где? – смеётся Марго.

– На проходной, – отвожу кисть от лица, – вы ещё заглядывали в него вместе с охранником.

– Я? – Марго теряется. – А, ну да... было, – она смущённо отводит в сторону глаза, но через секунду спохватывается и делает вид, что у неё зверски зачесалась нога. Наклонившись, отчаянно скребет ногтями лодыжку. Поймав мой насмешливый взгляд, хмурится, отдёргивает штанину, отбрасывает чёлку с лица и задает новый вопрос: – А где вы учились?

– В Москве.

– В школе?

– В школе. И в институте.

– И – в каком институте? – вздыхает Марго.

– В Первом медицинском.

– А на каком факультете? – Марго со скучающим видом обшаривает глазами елочные шары на потолке.

– На лечебном.

Услышав это, девочка оживает:

– В смысле? А я думала, что на хирургическом.

– А я думал, вы в курсе, что у факультетов Первого меда кафедры.

– Тогда – на какой кафедре? – Марго склоняет голову к плечу, с интересом меня разглядывая.

– Оперативной хирургии и топографической анатомии.

– Насчёт оперативной хирургии мне более-менее всё понятно. А что такое топографическая анатомия? – Марго принимает водить указательным пальцем по подлокотнику кресла.

– А это то, что у вас в голове... – делаю паузу, – а ещё в шее, туловище и в конечностях.

– В смысле? – зависает Марго.

– В прямом. Топографическая анатомия служит отправной точкой для того, что вам, как вы выразились, более-менее ясно.

Выдав это, мягко говоря, шизофреническое описание моей кафедры, смотрю на Марго, пока та пытается переварить мой ответ. Не знаю, смогла ли, но, сглотнув, она несколько раз откашливается.

– И в каком году вы окончили институт? – Пальцы Марго принимаются снова поглаживать металлический поручень кресла.

– В две тысячи втором. – Теперь я склоняю голову к плечу, пытаюсь сообразить, а к чему, собственно, это всё?

– И вы не остались в аспирантуре, а сразу в «Бакулевский» пришли? – Марго в сто пятый поправляет свою синюю чёлку, чем и наводит меня на мысль о том, что это она так пытается привлечь внимание к необычному цвету своих глаз.

– Типа того, – усмехаюсь я, окончательно доперев, что девочка со мной заигрывает. И я даже знаю, какую категорию женщин она собой представляет. Но самое интересное заключается в том, что весь этот её внешний трэш закончится лет через пять, через семь либо очень счастливой семейной жизнью, либо тем, что Марго, которую, как я подозреваю, зовут нормальным именем Рита, к сорока превратится в злобную тётку в джинсах мужского кроя и будет

вести себя со всеми исключительно, как последняя задница. Хотя из правил бывают и исключения.

«Впрочем, мне-то какая разница? Во-первых, ей всего двадцать, во-вторых, это не тот женский тип, который привлекает меня, а в-третьих, я сюда вообще не за этим ехал».

– А вы в «Бакулевском» ординатуру прошли? – не подозревая о том, какие мысли курсируют в моей голове, продолжает Марго.

– А что, в «Бакулевском» это уже не помнят? – Я даже хмыкнул, совершенно некстати вспомнив, как я в свою бытность интерном попил немало кровушки у заведующим.

– Арсен Павлович, вниз посмотрите, – разворачивается ко мне Алик, и я, миглом забыв о Марго и о своей лихой юности, машинально подбираюсь в кресле, потому что в том, с чем Алик на сей раз подступает ко мне, я опознаю ничто иное, как женскую тушь для ресниц. Не веря своим глазам, моргнул и – уставился на Алика.

– Арсен Павлович, ну честно, ну надо, – идёт розоватыми пятнами Алик и начинает оправдываться: – Просто если вам пудру с ресниц не убрать, то вы в камере будете, ну... как слепой. У вас ресницы длинные.

– Состричь? – злюсь я.

– Да нет, ну вы что! – ещё больше пугается Алик, растерянно вертит тушь в руках и винувато бубнит: – Тем более, что её и тогда с ваших ресниц не убрать, они у вас очень густые.

– Ага, я тоже это заметила – снисходительно замечает Марго.

Что этим двоим с пустотами в головах абсолютно нечем заняться – это я уже понял, но поскольку разумное зерно в словах Алика всё-таки есть, то я, хоть и неохотно, но опускаю ресницы, и Алик, повеселев, мажет по ним чем-то липким. На пятой секунде его манипуляций я окончательно прихожу к мысли о том, что весь этот останкинский цирк мне уже до смерти надоел.

– Так, хватит. – Опасаясь, что Алик с испугу или в отместку ткнёт мне в глаз кисточкой, дергаю лицом в сторону.

– Всё, всё. С лицом точно всё. – Придирчиво осмотрев меня, Алик суёт тушь в карман и снова чешет к своим шкафам, перебирать косметички.

– А после ординатуры? – наблюдая за мной, от души веселится Марго.

– А после ординатуры... – уже довольно злобно начинаю я, но осекаюсь, заметив, что наша девочка, оказывается, тоже времени зря не теряла, потому что на дисплее айфон, который лежит у неё на коленях, горит красная кнопка, и что-то подсказывает мне, что это ничто иное, как включенный диктофон, записывающий мои ответы. – А после ординатуры я стал обычным врачом, – быстро заканчиваю я наметившуюся было отповедь.

– Понятно, – тянет Марго и задаёт новый вопрос, не подозревая, что я уже закончил своё интервью. – А у вас есть награды?

«Да. Регулярные денежные премии от руководства».

– Нет.

– А учёное звание?

– Нет, – теперь я вообще стараюсь отвечать односложно.

– А почему у вас ничего нет?

«Я так понимаю, ты с меня, с живого не слезешь?»

– Не было времени этим заняться, – частично вру я.

– Правда? А я думала – вы карьерист, – смеётся Марго.

– Да? А я думал, что вы любите сказки Пушкина.

В этот раз Марго не сразу находит, что сказать, но в принципе для двадцатилетней реакция у неё неплохая:

– А знаете, что про вас в «Бакулевском» говорят?

«Знаю. Что я очень хороший хирург и гад, каких поискать».

– Нет, не знаю.

– Хотите, скажу?

– Если честно, не сильно.

– А зря. Между прочим, ваш главный считает, что у вас золотые руки. – Приласкав меня этим незамысловатым комплиментом, Марго неожиданно плавным, очень женственным движением кладёт ножку на ножку и снова принимается поправлять чёлку.

«Так, стоп. А ведь ей не двадцать лет», – думаю я и быстро обшариваю взглядом её лицо. Наконец отмечаю и характерные морщинки вокруг её глаз, и чувственную, но довольно хищную линию рта. – Нет, ей точно не двадцать, ей что-то около двадцати пяти, а может даже и больше».

Но проблема вовсе не в возрасте и даже не в том, что эта девушка не в моём вкусе – засада в том, что она пытается меня раскатать. Интересно только, на что?

– Знаете что, а я передумал, я хочу кофе, – впервые с начала разговора я улыбаюсь ей. Откровенно говоря, улыбка выходит так себе, но для Марго сойдёт – и даже очень, потому что девушка, моргнув, неуверенно расплывается в ответной улыбке и начинает суетиться: отключает диктофон, не сразу попав пальцем по кнопке. Садится в кресле повыше, спохватившись, сползает вниз. Дрогнувшим пальцем жмёт на дисплей и перебирает вызовы. В конце концов, бросает на меня окончательно поплывший взгляд, находит нужного ей абонента, лихо мотнув головой, отбрасывает назад синюю чёлку и подносит телефон к уху:

– Тань, ты? Привет, – сходу берёт начальственный тон Марго. – Что?.. Да, я ещё занята. Что?.. Нет. Слушай, а ты не могла бы принести чашку кофе в гостевую гримёрку?.. Да, прямо сейчас... Нет, в «заднем проходе» не покупай. – Заметив, как я удивленно приподнял брови, Марго прикрывает трубку ладонью и доброжелательно поясняет мне: – Это мы так кафе в АСК-3 называем, – после чего, заговорщицки фыркнув, возвращается к прерванному разговору. – Что?.. Да, наш фирменный принеси. Да, только для гостя. – Услышав новый вопрос, Марго благосклонно глядит на меня: – Арсен Павлович, вы какой кофе пьете?

«Я? А я вообще не пью кофе».

– Обычный, чёрный, без сахара, – отвечаю я, хотя надо было в отместку послать Марго в кофейню «Старбакс», расположенную, как минимум, на другом конце города.

– Обычный, чёрный, несладкий, – транслирует в трубку Марго, отрубает связь и снова включает свой чёртов диктофон. – Так возвращаясь к нашему разговору, Арсен Павлович... Почему же вы называете себя самым обычным врачом, тогда как все мы знаем, что вы – врач далеко не обычный?

– Правда?

– Правда, – Марго смеётся. – Ну, вот скажите, сколько операций вы сделали? Наверняка ведь даже не десятки, а тысячи... – тут Марго осекается, потому что я, не дослушав ее, встаю, пересекаю комнату и прямо в клеёнке-накидке начинаю безмятежно прогуливаться туда-сюда, созерцая плакаты с девицами от «L'Oreal». Останавливаюсь у портрета понравившейся мне сероглазой блондинки и принимаюсь её рассматривать. Проходит секунда, две, три. Марго недоуменно глядит на меня. Алик, бросив на нас с Марго исподтишка любопытный взгляд, оставляет в покое свои косметички, делает вид, что ему срочно понадобилось что-то в шкафу (в том, что к нам поближе) и потихоньку, на корточках перебирается в наш периметр.

– Арсен Павлович, – в конце концов не выдерживает Марго, – простите, а что вы там забыли?

– Ищу ответ на ваш вопрос. Думаю, что вам ответить.

Проходит ещё две секунды.

– Ну и как, нашли?

– Пока ещё нет. – Поворачиваюсь к Алику: – Слушай, Алик, а как ты думаешь, у этой блондинки, – указываю подбородком на понравившуюся мне модель, – волосы свои или крашенные?

– Ну, – Алик выныривает из шкафа, выпрямляет затёкшую спину и, профессионально прищурившись, глядит на плакат, – я бы сказал, что у неё блондирование.

– То есть все-таки крашенные, да? И как это делается? – продолжаю валять дурочку я.

– Разрушением двух пигментов, красного и жёлтого. – Алик тоже подходит к плакату и начинает объяснять, постепенно входя во вкус: – Понимаете, при блондировании тёмных волос надо делать колорирование. А если блондирование на светлых волосах, то тогда нужно тонирование. А еще сегодня популярна техника омбре, это такая штука, при которой...

– Простите, а мы не могли бы сначала закончить интервью? – раздраженно встревает Марго.

– Ну, если вам так неймётся, – пожимаю плечами и возвращаюсь к креслу. Усевшись, тщательно расправляю на шее клеёнку.

– Вам помочь? – в конце концов теряет терпение Марго.

– Нет, что вы, что вы – вы и так мне уже кресло возили... Алик, где ты?

Алик, радостно сверкнув голубыми глазами, несется ко мне и, закрыв меня спиной от Марго, начинает возиться с клеёнкой.

– Так почему же вы, Арсен Павлович, всё-таки считаете себя самым обычным врачом, хотя все вокруг знают, что вы – врач, далеко не обычный? – очень злая Марго синеглазой кукушкой выглядывает из-за спины Алика.

– Кто это «все»?

– Ну, все.

– Ах, все... А я знаю?

– Ну, хорошо, давайте, я вам помогу, – скрипит Марго. – Как врач, вы необычны хотя бы тем, что вы – представитель врачебной династии.

– Да вы что?

«Неужели она что-то выкопала? – между тем лихорадочно бьётся и мечется в моей голове. – Неужели она всё-таки что-то выяснила? Но ведь никто не мог рассказать ей, никто: эта тайна давно похоронена...»

– Вы не хотите говорить о родителях? – наугад выстреливает в меня Марго и попадает в цель.

– Почему, очень хочу.

– И?

Я усмехаюсь:

– Что «и»?

Марго тяжело вздыхает.

– Ну, хорошо, – она ставит остренький локоток на подлокотник кресла. – Давайте начнём с того, что ваш отец, как и вы, кардиолог, а мама – детский гематолог⁵.

– Были.

– Что «были»? – Марго чуть ли глаза не закатывает.

– Были. Множественное число, прошедшее время. Мои родители умерли.

– Ой, простите, – впервые с момента разговора Марго теряется по-настоящему. – Простите, я... я не знала.

– Ничего. Это было давно.

«Нет, она ничего обо мне не знает. Ничего. Ничего. Ни-че-го. Так, что-то вытащила у моего шефа, что-то выудила у моих коллег – вот, собственно говоря, и все её сведения обо

⁵ Врач, чья специализация связана с диагностикой заболеваний крови и их лечении.

мне». Окончательно выдохнув, я теряю к разговорам с Марго всякий интерес, откидываюсь в кресле и цепляюсь взглядом за плакат с понравившейся мне блондинкой.

– Арсен Павлович, а как вы к новым технологиям в медицине относитесь?

«Как же ты мне надоела...»

– Замечательно отношусь. Слушайте, а здесь есть туалет?

– Э-э... то есть нет. – Как все женщины, Марго смущенно осекается, мнётся, но в итоге принимается мне объяснять: – Туалет за дверью, налево по коридору.

– Направо, – моментально встречается Алик, – это женский налево!

– Да ладно вам, я просто так спросил, – усмехаюсь я.

Пока Марго в очередной раз переваривает мои шуточки, перевожу взгляд на плакат. «Нет, всё-таки прикольно, когда у женщины светлые волосы и серые глаза», – думаю я.

– А вы женаты? У вас дети есть? – Марго, опомнившись, в отместку бьёт в меня сразу двумя бронебойными.

– Есть. Много. В Москве и в «Бакулевском»... Слушайте, – вздыхаю я, устав ломать комедию, – я всё думал, думал, и всё никак понять не могу: каким образом ваши вопросы к ток-шоу относятся? Что вы хотите узнать про меня, объясните по-человечески?

– А у неё всё к ток-шоу относится, – подает голос Алик. Смотрю на него, а он смотрит на Марго: – Слушай, Рита, если не возражаешь, то я бы хотел закончить с Арсеном Павловичем, – несколько нетрадиционно состыковав слова, приходит мне Алик на помощь.

– Ну вообще-то я здесь тоже не для развлечения, – Марго раздражённо откидывается в кресле.

– То есть мой психологический портрет вами ещё не составлен? Кстати, вы случайно не на психфаке учились? – Откинув условности типа «маленьких не обижать» и «женщин не трогать», я бью в неё сразу со всех бортов. – И на каком потоке вы, позвольте спросить, учились? На дневном, вечернем, заочном? И как закончили? Надеюсь, троек по профилирующим нет? Родители как, дипломом довольны? А ваш молодой человек – вами? И, кстати, как вас всё-таки зовут, Марго – или просто Рита?

Повисает пауза. Марго молча грызет губы. Я, пожав плечами, начинаю разворачиваться к плакату.

– Маргарита, но можно Рита, – наконец сдаётся Марго, – и кстати, насчёт психфака... ну да, вы угадали. – Она фальшиво смеётся. – Заочный, хотя и МГУ.

Обрадовав меня этой информацией, Марго ждёт, что и я пойду на попятную, но я, пожав плечами, утыкаюсь в плакат. Сообразив, что если она не ответит на мой главный вопрос (а именно: зачем ей нужны сведения обо мне?), то её интервью с «необычным» врачом, удачно сочетающим в себе качества «выдающегося» хирурга, последней падлы и бабника, с треском провалится, Рита наконец выбрасывает белый флаг.

– Арсен Павлович, – миролюбиво зовёт она. – Ну да, я понимаю, что вам очень не нравится этот допрос, но поймите и вы меня: режиссеру программы важно знать вашу реакцию. Мы должны понимать, как вы будете себя вести на ток-шоу.

«Рита, холодно, очень холодно...»

– То есть вы хотите знать, буду ли я к микрофону проситься? Рита, поверьте, я не буду. – Прижимаю руку к груди: – Клянусь, ни слова не скажу.

– Да нет, не то, – сердито морщится Марго и начинает по новой изобретать велосипед: – Ну, вот смотрите, Арсен Павлович, наше ток-шоу посвящено телемедицине. Так?

«Теплее...»

– Вам виднее.

– Хорошо, наша передача действительно посвящена телемедицине. А вы в этой области – эксперт. Так?

– Да ну?

– Ну Арсен Павлович, ну давайте посерьёзней, – Рита уже чуть не плачет. – Все и так прекрасно знают, кто вы и что вы, вот поэтому мы вас к себе и позвали.

«Так, похоже, истина где-то рядом», – думаю я и спрашиваю:

– А на передаче будут другие эксперты?

– Ну... да.

– И кто?

– Ну... два чиновника.

– Откуда?

«Рит, колись!»

– Ну, один из Министерства, а другой представляет Институт развития интернета. Но поскольку режиссеру программы важно осветить точку зрения всех гостей, то сначала мы покажем сюжет, потом наша ведущая задаст вам вопросы, на которые вы должны будете ответить, после чего вы поучаствуете в общей дискуссии, и всё, – «радует» меня Рита.

– Я... что я должен буду сделать? – не верю своим ушам.

– В дискуссии поучаствовать... А что, что-то не так?

«Что? Рита, жжёт... Припекает!»

Сообразив наконец, во что же меня втянули (а я-то думал спокойно отсидеться где-нибудь в зрительном зале, пусть даже в первом ряду), я машинально тяну руку, чтобы потереть переносицу, что бывает со мной только в минуты дичайшего раздражения, но перепуганный вздох Алика возвращает мои пальцы обратно – на ручку кресла, где они и лежали.

– Рита, – откинув все игры в «холодно-горячо», смотрю на неё, – скажите, а вы моё выступление хоть как-нибудь с «Бакулевским» обговаривали?

– Нет, но это не требовалось, это и так подразумевалось. А что, что-то не так? – она глядит на меня.

– Да нет, всё так.

«Теперь вообще все так, потому что тебя и твою ведущую ожидает на ток-шоу громадный сюрприз. Но какой, я тебе не скажу – ты не моей стороне».

Пока Рита сверлит меня глазами, пытаюсь сообразить, что у меня на уме, раздаётся стук в дверь, дверь распахивается, и на пороге с голубой стеклянной чашкой в руках появляется ещё одна девочка, но крашенная под «баклажан». Зато в толстовке с портретом Путина.

«Нет, это не „Останкино“, это какой-то паноптикум», – довольно злобно думаю я и, кажется, начинаю впервые по-настоящему понимать Алика.

– Ваш кофе, – «баклажанная» девочка ставит передо мной чашку на стол и спохватывается: – Ой, здрасьте.

– Здравсьте, – киваю я. – У вас причёска такая красивая.

– Правда? – оживляется «баклажан».

Пока я безмятежно киваю, Алик присаживается на подоконник и злорадно хихикает. Марго задумчиво щурит глаза. «Баклажанная» Таня, наивно поморгав на меня ещё пару раз, разворачивается к своей начальнице.

– Слушай, Рит, мне только что с проходной звонили, – по-свойски тараторит она, заинтересованно косясь на меня, – так там ещё двое гостей на передачу пришли. Но если ты занята, – новый взгляд на меня, – то я могу их встретить. А ещё тебя Саша ищет.

«Саша. Какое прекрасное имя – Саша! Не Марго, не Алик, а Саша...»

Заметив, как при этом имени у Марго вспыхнули и заблестели глаза, решаю, что это её парень, и беру данный факт себе на заметку.

– А почему вы кофе не пьёте? – поворачивается ко мне «баклажан».

– А я его домой заберу, – любезно сообщаю ей я.

– Ой, вам действительно так понравилось?

– Так, похоже, мне теперь всё окончательно ясно. Таня, иди за гостями, – металлическим голосом чеканит Марго, и «баклажан» с Путиным, забыв попрощаться, стремглав вылетает из комнаты.

Марго, гневно раздувая ноздри, встаёт. Демонстративно отключает свой диктофон, в исступленном бешенстве готовится спрятать телефон в задний карман джинсов, но тут её айфон издаёт жизнерадостный писк, и Марго чиркает по дисплею злым взглядом. При виде отправителя сообщения её лицо чудесным образом расслабляется, она бросает на меня задумчивый взгляд, значения которого я так и не сумел разгадать, что-то быстро печатает, отправляет, получает ответ и, прочитав его, улыбается. Снова набивает что-то в своём телефоне. Уже явно торжествуя, сует мобильный в карман, хватая с вешалки пуховик и разворачивается к Алику.

– Алик, спасибо за всё, особенно за поддержку, – язвительно говорит Марго. – Кстати, – небрежный кивок в мою сторону, – то, что ты сделал... кожа... ресницы... пр-р-прекрасная работа!

Поскольку Алик равнодушно пожимает плечами, а я так вообще не затрудняю себя ответом, Марго решает напоследок как следует меня укусить.

– А с вами я, к сожалению, не прощаюсь, Арсен Палыч, – задушевно произносит Рита, – кстати, вам тоже большое спасибо за обстоятельный разговор по душам. Мне, как психологу, это было почти интересно.

– Не за что, обращайтесь: всегда любил поговорить по душам с подрастающим поколением. Кстати, вашему Саше привет! – окончательно вхожу в роль сволочи я и салютую Марго чашкой с кофе. При этих словах Марго, уже добежавшая до двери, останавливается.

– Вашему? – обернувшись, насмешливо тянет она. – Ну, вообще-то вы моего Сашу ещё не знаете, – и Марго, победительно треснув дверью, уходит.

– Ой, ну всё. Теперь вы у Ритки точно враг номер один. – Поднимаю глаза: в зеркале, за моей спиной стоит и улыбается Алик. – Только Ритка в отместку вам самое главное не сказала: Саша – это не то, о чем вы подумали. Это не он, это она.

«Мать моя поликлиника, – растерянно думаю я, – да у них тут все с отклонениями».

– Да нет, я не в том смысле, – прочитав мой взгляд, хихикает Алик. – Девочки просто дружат. Ну, как дружат... – Алик пожимает плечами, – Саша с Риткой в приятельских отношениях, а Ритка на Сашу равняется, потому что Саша у нас личность почти легендарная. Представьте, она работала на МУЗ-ТВ, но потом её наш коммерческий к нам переманил. Она наполовину эстонка, фамилия у неё Аасмяэ, но по-русски чешет так, что любого заткнёт за пояс... ну прям, как вы! И внешне тоже... ну очень! – произносит Алик и придиричиво рассматривает себя в зеркале. Налюбовавшись на себя, переводит взгляд на меня: – Только вы, Арсен Павлович, по-моему, больше на итальянца похожи, а Саша – настоящий северный тип. Ну, как с плаката, что вам понравился. – Подняв руки, Алик принимается любовно поправлять пучок на голове и ловит в зеркале мой озадаченный взгляд. – Ой, – всплескивает руками, – самое главное-то я вам не сказал: Саша и есть ведущая того ток-шоу, для которого я вас гримировал.

«Оп-ля, приехали. – Я перевожу задумчивый взгляд на плакат. – А вообще-то, занимательный разворот сюжета...»

– Арсен Павлович, а вы пробор всегда на левую сторону носите?

– Что? – вздрогнув, поднимаю глаза. Оказывается, Алик уже успел вытащить откуда-то здоровенную коробку с воском для волос и теперь подбирается с ней ко мне.

– Всегда, – осторожно говорю я. – А что?

– Тогда, чтобы я вам тушь на глазах не испортил, вы в последний раз вниз посмотрите, а я вам только волосы поправлю, и тогда точно всё.

«Ах ты, Господи боже мой... Ну ничего, ничего, – опуская глаза, мстительно думаю я, – ну ничего. Ваша Саша тоже ещё не всё видела».

5.

Телецентр «Останкино», Саша, за полчаса до ток-шоу.

«Я, уже в синем костюме, сижу на краю стеклянной столешницы в комнате, отведённой под гримёрку при студии, где сегодня будет сниматься наше ток-шоу. За окном – серое небо и влажный снег, размазанный по откосу, как масло. Склонив голову к плечу, постукивая об пол каблуком синей туфли, я слушаю запись интервью Риты с Сечиным. Поскольку это, в общем, не интервью и даже не стёб, а откровенная жесть, то я украдкой фыркаю, периодически поглядывая на непривычно тихую Ритку.

Рита, ссутулившись, сидит в тканном кресле напротив меня и, подвернув под себя правую ногу, мрачно грызет разноцветных фруктовых мишек, методично выуживая их из шуршащего пакетика с надписью «HARIBO». Раз в три секунды в комнату забегают члены съёмочной группы, интересуются, не видели ли мы Генку, Димку или какого-то Артура, но, получив стандартный ответ «нет» или отрицательный кивок головы, исчезают за дверью. Там же, за дверью, слышатся сердитые голоса Лиды и главного режиссёра канала, которые о чём-то спорят. Фоном звучит топот ног и сингл «Ёлки» «Пара». На фразе: «Пара, пара, пара фраз» диктофон чеканит злым голосом Риты: «Так, похоже, мне теперь всё окончательно ясно, Таня, иди за гостями», после чего в мобильном что-то щёлкает и запись обрывается.

Ритка поднимает на меня задумчивые глаза:

– Ну и что скажешь?

– Клёвый чувак, – усмехаюсь я и возвращаю Рите мобильный. – Правда, не поняла, почему он редкостный гад и причём тут ходячий секс, но то, что этот парень отлично чувствует грань между грубостью и хорошим сарказмом – факт. Хотя я лично считала, что тридцатилетний мужчина будет всё-таки вести себя посерьёзней.

– Ничего, посерьёзней он будет вести себя лет в пятьдесят, когда окончательно разовьётся в то, чем он очень хочет казаться, – желчно, но довольно уныло комментирует Ритка и, запустив пальцы в пакет, выуживает жёлтого мишку. Покрутив мишку, грустно хмыкает и кровожадно откусывает мишке голову.

– А чем он хотел казаться? – не понимаю я. – На мой взгляд, на записи Сечин выглядит более чем естественно... Кстати, Лида эту запись, я надеюсь, не слышала?

– Что? – ушедшая в свои мысли Рита поднимает голову и пару секунд глядит на меня совершенно отсутствующим взглядом, словно в её голове засела и упорно вьёт гнездо какая-то мысль, которая никак не даёт ей покоя. Потаращившись на меня ещё пару секунд, Ритка поправляет чёлку, и в её глазах наконец появляется осмысленное выражение. Качает головой: – Нет, не слышала. Я ей сказала, что у телефона батарейка села.

– Ну и правильно, – одобряю я. – А она что?

– Да ничего, – хмыкает Ритка. – Лиде, к счастью, не до меня – у нее, видишь ли, декорации треснули, зато Димка, присутствующий при нашем разговоре, не мог на мой счёт не проехаться. Посоветовал мне в следующий раз бумажку себе на лоб клеить с надписью: «Не забыть зарядку от телефона», а то у меня не голова, а Шереметьево один, откуда всё вылетает. Да, кстати, по поводу Димки... – покрутив головой в поисках «чем-бы-вытереть-руки», Рита вытягивает верхний ящик стола, достаёт пачку салфеток, с треском распечатывает целлофан, выдергивает салфетку, вытирает ей руки и рот, после чего встаёт и бодро чешет к вешалке, на которой висит её пуховик. Покопавшись в его пуховых недрах, достаёт сколотые вдвое листы, возвращается к столу и протягивает мне распечатки:

– Вот, держи.

– Это что?

– Подводки от Димки. А что касается Сечина, – и Ритка снова падает в кресло, – то штука в том, что если он не утихомирится, то у него к пятидесяти разовьется мизантропия.

– Так, а мизантропия у нас – это что? – небрежно интересуюсь я – так, лишь бы поддерживать разговор – и сосредотачиваюсь на листках с поминутной разблюдовкой ток-шоу. Пробегаю глазами текст, отмечаю те вопросы, которые я должна задать Сечину.

– А мизантропия – это, Саш, человеконенавистничество, или редкая форма индивидуализма, связанная с пессимизмом, неверием, подозрительностью и нелюдимостью, – на полном серьезе выдаёт Ритка и, порывшись в пакетике, выуживает красного мишку.

– Ой, да ладно тебе, – морщусь я. – Ну, подумаешь, ну повалял человек дурака, и что в этом такого? Что, теперь всю жизнь будешь ему это вспоминать?

– Не знаю, может, и буду, – глубокомысленно произносит Ритка и забрасывает мишку в рот. Я киваю, ещё раз просматриваю распечатки и возвращаюсь к куску, где расписаны телемедицинские услуги, предоставляемые «Бакулевским». Прикинув, что Сечин вполне бы мог развернуто рассказать о них, ну и, может, выдать ещё что-нибудь остроумное о государственном финансировании подобных программ, составляю в уме окончательный план того, как я буду завоевывать доверие доктора Сечина, а заодно, и беру себе на заметку тот факт, что его имя и отчество надо проговаривать полностью, не коверкая и не сглатывая окончания, как это проделывала Ритка. Складываю подводки и возвращаю их ей:

– На, Димке отдашь. Пусть на суфлёр их выкладывает.

– Ну вообще-то – усмехается Ритка, – Димка их туда уже выложил.

– Вот! – смеюсь я и назидательно поднимаю вверх указательный палец, – вот, а ты говоришь, что Сечин – гад, каких поискать. А, по-моему, пока это место исключительно за Димкой.

– Я не это тебе говорю, – начинает сердиться Рита. – Я пытаюсь до тебя донести, что Сечин твой очень хочет казаться тем, кем он не является на самом деле.

– Так, – вздохнув, отбрасываю распечатки на стол, – во-первых, он не мой Сечин. А во-вторых, если я правильно тебя понимаю, то этот излишне остроумный врач чем-то всё-таки тебя зацепил, и ты не успокоишься, пока ты не выговоришься. Ладно, давай, выговаривайся, я тебя внимательно слушаю. – Приподняв правый рукав пиджака, смотрю на свои металлические часы, застёгнутые чуть выше запястья, чтобы солнечных зайчиков в камеру не пускать. – По моим подсчётам, у нас есть ещё пять минут, пока сюда не ворвётся Лида.

Ритка переворачивается в кресле и вслушивается в звуки за дверью.

– Не ворвётся, – через секунду со знанием дела заявляет она, – Лида сейчас главному режиссёру мозги вправляет за декорации, а поскольку он сопротивляется, а она уже вошла в раж, то у нас есть, как минимум, десять минут. А что касается Сечина... – и Ритка поудобней усаживается в кресле. Прошуршав пакетиком, вытаскивает ещё одного красного мишку, – то я тебе сейчас кое-что расскажу, но только ты не смейся, а прими это к сведению. Саш, по-моему у Сечина очень большие проблемы.

«Ну, удивила! Можно сказать, проблемы Сечина – это сегодня новость дня».

– Рит, какая проблема? – вздыхаю я. – Та, что он стал безответной и вечной любовью Алика?

– Ха-ха, – грустно говорит Ритка. – Проблемы Сечина – это скелеты в шкафу.

– Потрясающий вывод... Слушай, Рит, – я прищуриваюсь, – скажи, ты знаешь очень много людей, у которых нет ни тайн, ни секретов? Таких уникальных представителей человечества, которые никогда никого не обманывают, которые всегда говорят только правду и которые с первой секунды откровенны с любыми, даже посторонними им людьми? Если ты таких знаешь, то им, прости, либо десять лет, либо они врут.

– Не в этом дело, – Ритка упрямо качает головой, – дело не в тайнах, а в том, каким образом человек пытается их спрятать. У нормальных людей – например, таких, как ты или я, – шкафы с скелетами открываются, если подобрать к ним соответствующий ключик.

– Рит, если ты о моих отношениях с Игорем, то это давно не тайна. – Я принимаюсь с преувеличенным интересом разглядывать каблук туфли. – В «Останкино» только ленивый не в курсе, что я с ним сплю.

– Точно, это все знают, – кивает Ритка. – Но для всех по-прежнему остаётся загадкой не почему ты с ним спишь, а что так долго держит тебя рядом с ним? Соловьев ведь не твой уровень, это же ясно.

Пауза. Удивление, злость. Минутный гнев на слишком умную Ритку. Злоба на любопытных, мусолящих по углам мою личную жизнь. И хотя то, что я ощущаю, не самое лучшее из человеческих чувств, но все же это гораздо лучше, чем мой панический страх перед тем, что сделает Игорь, если узнает правду.

– Хорошо, будем считать, что я безумно люблю Игоря, – наконец нахожусь я. – А у Сечина что за проблема?

– А у Сечина тайна системы тетрис, – не моргнув глазом, заявляет мне Рита.

– Что, что? – приподнимаю брови я. – Это что, какой-то новый психологический термин?

– Нет, – усмехается Рита, – это не термин, это мне, Саш, в голову пришло, когда я с ним пообщалась. Такое ощущение, что с Сечиным как в той компьютерной игре: чтобы выиграть у него и его тайну раскрыть, надо сначала пройти все уровни.

– Как в китайской шкатулке, да? Чтобы секрет отыскать, надо открыть один ящик, за ним второй, третий, четвертый и так до бесконечности, пока спрятанное не найдёшь?

– Почти, но только тут посложней. На первом уровне тебе вообще предстоит понять, где находится этот шкаф со скелетом. Поймешь – перейдёшь на второй уровень, чтобы найти ключ к шкафу. Оттуда доберешься до третьего уровня, где и выяснится, что это даже не шкаф, а бронебойный сейф, в которой спрятан сам Сечин. И он так надежно там сам себя запер, что – я клянусь тебе! – я даже скрежет слышала, когда пыталась отмычку к нему подобрать. Ты, когда интервью Сечина слушала, случайно ничего не заметила?

«Я? Заметила. Я заметила, что этот очень неглупый врач пытался аккуратно поставить тебя на место, хотя при желании мог заткнуть тебя очень грубо и быстро».

Но Ритку мне жалко, а Сечин мне абсолютно никто, так что я осторожно спрашиваю:

– Рит, а тебе не кажется, что тот диагноз, который ты пытаешься ему навязать, как-то плохо сочетается с его профессией? Он же врач, хирург. Он в социальной сфере работает. А там социопатов не держат в принципе.

– Вот и я, Саш, сижу и думаю: а как это в нем сочетается? – Ритка склоняет голову к плечу. – Ну, сама посуди: ты и я – мы, при всех своих комплексах, люди довольно открытые. А Сечин за полчаса интервью ухитрился не ответить мне прямо ни на один вопрос. Спросила о дне рождения – он сослался на паспорт. Спросила его о родителях – он от них чуть ли не открестился. Ему что, вообще нечем гордиться? Саш, так не бывает. Просто так не бывает – и всё.

«А ведь в рассуждениях Ритки что-то есть», – думаю я и, невольно заинтересовавшись, задаю новый вопрос:

– Ну хорошо, предположим. А ходячий секс тут причём?

– А от него сексуальным опытом бьёт, как от оголённого провода током, – деловито заявляет Ритка и отчаянно скребет локоть.

– Как от Игоря, что ли? – усмехаюсь я.

– Ага, как от Игоря, – иронично кивает Рита и, бросив чесать локоть, вытягивает из пакета последнего мишку. Глядит на него. – Игорь твой – ты уж прости меня – когда на женщин смотрит, он их глазами лапает. Ну или облизывает взглядом, как конфету. А Сечин при желании может трахнуть тебя глазами, да так, что встанешь на задние лапки и попросишь ещё. Разницу улавливаешь?

Выдав это, Ритка закидывает мишку в рот и жуёт, пока я пытаюсь переварить сказанное.

– У тебя фотка Сечина есть? – прихожу в себя я.

– Честно? Хотела его щелкнуть. Но он как чувствовал – не давался. То глаза прикроет, то наоборот глаз с меня не сводит. Но я в отместку организовала ему место в студии на подиуме, ровно посередине между Репиным и Бастрыкиным, так что он у меня теперь на все телеэкраны страны попадёт, – мстительно обещает Ритка.

– Спасибо, – на полном серьёзе благодарю я, потому что это место в кадре действительно самое выигрышное.

– Саш, ты всё-таки с ним поосторожней, – грустно советует Рита. – А то я, когда увидела его, то от радости чуть не взвизгнула, а он в итоге меня чуть ли ни полчаса лицом по столу возил.

– А зачем ты его к Алику отвела? – напоминаю я.

– Что? А ну да, было. – Ритка смущенно морщит нос, – хотя я, правда, рассчитывала, что он под таким стрессом сломается и чего только о себе не наговорит.

– Вот он тебе и наговорил, – заключаю я, и Ритка обидчиво пожимает губы. – Ой, да ладно тебе, перестань, – дружелюбно тяну её за короткий рукав черной футболки. – Лучше скажи, – начинаю смеяться я, – Сечин Алика как воспринял?

– Как? А никак, – Рита пожимает плечами. – Вёл себя так, словно ему всё Аликово сумасшедшее сообщество каждый день глаза красит.

– Непрошибаемый, значит?

– Значит, непрошибаемый, – вздыхает Ритка и принимается теревить свою синюю чёлку, а до меня вдруг доходит...

– Рит, а ведь он тебе правда понравился, – очень тихо говорю я.

– Что? – Рита поднимает на меня вспыхнувшие глаза. Сообразив, что я поймала её, хмыкает, но огрызается: – Смотри, как бы он тебе не понравился!

– Спасибо, у меня уже Игорьь есть, – кланяюсь я.

– Это, Саш, к счастью, – серьезно говорит Ритка и, смяв хрустящий пустой пакет, отправляет его в мусорное ведро под стол, на котором сижу я.

– Ещё раз спасибо, – изображаю поклон до земли.

– Ты, Саш, зря смеёшься. – Ритка переводит задумчивый взгляд за окно, рассматривает мокрый снег, хлопьями оседающий на откосе. – Игорьь твой, несмотря ни на что, всё равно при тебе будет, потому что ни он, ни ты не умеете оставаться исключительно в позиции превосходства. А вот Сечин умеет. И он как бы ничей, понимаешь? – Словно что-то вспомнив, Ритка разворачивается ко мне и окидывает меня оценивающим взглядом. – Слушай, – тянет она, – а я только сейчас поняла: у тебя-то как раз есть все шансы заинтересовать его.

– Это что ещё за фантазии? – хмурюсь я.

– Нет, это не фантазии, – возбуждённая своим открытием Ритка не замечает моей реакции и усаживается ровней. – Там, в гримёрке у Алика, Сечин всё засматривался на один плакат. Тот, что с блондинкой, помнишь?

– Не помню, – немедленно открещиваюсь от плаката с обнаженной девицей.

– Нет, помнишь, – злорадно говорит Ритка. – Игорьь твой, когда увидел ее, всем тогда рассказал, что ты на неё очень похожа. Вот рядом с этим плакатом Сечин и крутился минут пять, пока бегал от меня.

«Так, всё, приплыли», – думаю я и начинаю злиться.

– Рита, – довольно сурово прерываю её романтические изыскания я, но тут дверь распахивается, и в комнату влетает разъяренная Лида, за которой следует не менее разозленный режиссёр канала.

– Лидия Викторовна, мы не договорили! – возмущается режиссёр и, спохватившись, кивает нам с Риткой: – Здравсьте.

– Здравствуйте, добрый день, – отвечаем мы вразнобой.

– Нет, не добрый! – взвизгивает Лида и поворачивается к режиссёру: – Так, нечего за мной бегать.

Режиссёр идёт красными пятнами:

– Лидия Викторовна!

– Я вам всё сказала! И я вам в последний раз повторяю, что я больше не буду снимать передачу ни в этой студии, ни с этими декорациями.

– Ну нет у меня для вас другой студии, ну нет. – Главный режиссер чуть на стенку не лезет.

– Мм, я на следующей планерке генеральному так и скажу, – мстительно обещает Лида.

– Но... – вызывает к её совести режиссер.

– Всё, – махнув на него рукой, Лида глядит на меня: – Так, Аасмяэ, готова?

Я медленно поднимаюсь со стола. Лида, пожевав губами, быстро обегает меня и поправляет мне волосы, сколотые в низкий узел на шее. Нечаянно смазав грим, морщится:

– Где гримёрша?

Ритка (она сидит за спиной Лиды) выразительно глядит на меня, после чего красноречиво закатывает глаза, поднимается с кресла и неторопливым, прогулочным шагом направляется в смежную комнату, откуда и возвращается вместе с девушкой, которая меня красила.

– Грим у ведущей подправь, – командует Лида.

Девушка, очертя голову, стремглав несется за чемоданчиком. В комнату заглядывает Таня.

– Двадцать минут до эфира! – кричит Таня и делает страшные глаза.

– Двадцать минут до эфира, – повторяет металлический голос в динамиках. Из распахнутых дверей, которые Таня забывает закрыть, до меня доносятся топот и нестройный гул голосов, постепенно заполняющих студию. Моё сердце ёкает, пульс привычно пускается вскачь, во рту пересыхает, а кончики пальцев становятся совсем ледяными. Говорят, то же чувствует перед премьерой любой актёр, но я никогда не была в шкуре актрисы. Таня, чудом ухитрившись не налететь на главного режиссера, подбегает ко мне с наушником и миниатюрным приёмником в руках. Режиссёр исчезает в дверях, успев кинуть на меня любопытный взгляд, когда Лида по-свойски растёгивает на мне пиджак, чтобы закрепить приёмник к поясу моих брюк. Тут все вокруг меня принимаются кричать, суетиться и бегать. Я закрываю глаза, чтобы мысленно отгородиться от них, и начинаю медленно считать до десяти, одновременно представляя себе то, что делается сейчас в студии.

За годы работы в «Останкино», я видела это десятки раз, и это всегда начинается одинаково. Примерно за два часа до записи передачи в холле при студии собирается массовка, пятьдесят процентов которой составляют старожилы «Останкино». «Наша мафия», – любовно называет их Игорь. На самом деле, основное отличие старожилов от других членов массовки состоит в том, что первые всегда оказываются в зрительном зале на самых выигрышных местах – либо на первых трех рядах, где можно попасть в камеру, либо на галёрке, где в глаза не будет бить ослепительный свет и вся студия как на ладони. (К слову, с верхних рядов не только виден весь съёмочный процесс, но и прекрасно слышно, как под лестницей матерятся охранники.)

Ожидая, когда в зрительный зал откроется дверь и в студию начнут запускать людей, старожилы с удобством устраиваются в холле, в пластиковых креслах. Те, кто со съёмочным процессом пока не знаком или приехал издалека (в массовке пятьдесят процентов приезжих), топчутся у закрытых дверей за канатом ограждения. Среди них снуют модераторы возраста Гены и Тани. Отличить модераторов от массовки довольно легко – первые обычно одеты в синие футболки с логотипом канала и надписями на спине: «LEVA», «NINA», «SVETA».

– Если будете плохо хлопать, то отправим вас на передачу к Малышевой или на «Давай прямо завтра поженимся», – время от времени веселят толпу модераторы. Старожилы не обра-

щают на эти дежурные шутки никакого внимания, но те, кто оказался здесь в первый раз, хихикают и переглядываются. Какой-нибудь парень, или девчонка, или даже семейная пара обязательно отловит модератора, отведет его в сторону и шёпотом поинтересуется, а оставлены ли им места на ближнем к сцене ряду?

– Конечно, оставлены, – уверит их «SVETA», хотя максимум, что она сделает, так это положит на спинку кресла сложенный вдвое пустой лист бумаги.

– Но ведь кресла займут! – справедливо возмутится семейная пара.

– Не займут, если вы прыгнете за ограждение, когда всех будут пускать в зрительный зал.

Нормальный совет, да? Но самое занятное заключается в том, что когда дверь в студию откроется, то солидная семейная пара лихо – да так, что Исимбаеву с шестом за пояс заткнёт – перепрыгнет через канат заграждения и исчезнет в самом начале очереди. Старожилы скопом ринутся на облюбованные ими места. Все остальные втиснутся в зал, когда все хорошие места будут уже заняты.

Но вы никогда и ничего из этого не увидите, потому что наша задача – показать вам глянец и блеф, а не скучный съёмочный процесс в декорациях. Кстати, о декорациях... последние довольно обшарпаны, потому что у девяноста процентов снимаемых в «Останкино» передач нет своей студии, так что задники и подиумы приходится постоянно разбирать и собирать, перетаскивая из одной студии в другую. В этом плане в «Останкино» повезло только «Первому», ну и ещё «НТВ», которые традиционно работают в выделенных для них помещениях. Все остальные вынуждены монтировать декорации заново каждый раз и снимать передачу так, чтобы картинка в кадре спрятала все недочёты.

Массовка в студии увидит больше вас: весь передний план студии, состоящий из подиума, где будут сидеть «говорящие головы» (специально приглашенные эксперты), зрительный зал, съёмочную площадку с перманентно ругающимся режиссером (Лидой), камеры, напоминающие футуристические летательные аппараты, операторов, жующих жевачку, мощный, бьющий в глаза, ослепительный свет, плазмы, развешенные по периметру, и электронное табло с периодически вспыхивающей надписью «аплодисменты».

Когда массовка рассядется, на подиуме появятся обалдевшие от грима и шума эксперты, которых Таня рассадит на строго отведённые для них места, после чего начнется традиционный разогрев массовки: на подиум выбежит главный модератор LEVA, который и объявит:

– Внимание! На телефон, на камеры ток-шоу не снимать, аудиозапись не делать, с любым, кого на этом поймает, распрашиваемся навсегда. Эмоции выражать можно и нужно, но ведущую не перебивать, с места вопросов не задавать, замечания не выкрикивать, говорить, только если вам дадут микрофон. И обязательно хлопать, когда на табло загорится соответствующая надпись. Всё поняли?

– Да-а...

– Пять минут до эфира! – обрывает мои мысли голос в динамиках, и я открываю глаза. Делаю глубокий вдох и выдох. Всё, нет больше волнения, и ничего уже нет, кроме трех, самых первых, самых простых слов подводки.

– Аасмяэ, на площадку, – командует голос Лиды, отныне живущей только в моём наушнике. Быстро, спокойно и собранно прохожу маленький коридор, отделяющий гримёрку от студии.

– Саш, насчёт Сечина... Я все-таки буду держать за тебя кулачки, – шепчет мне в спину Ритка, и я, помедлив, делаю то, что делать нельзя – я оборачиваюсь:

– Рит?

– Что?

– Не сходи с ума, – улыбнувшись ей, взбегаю на подиум.

Быстро оглядываю массовку, сидящих в креслах гостей. Двое из них явно нервничают. «Как их зовут? Ах да, справа Репин, слева – Бастрыкин». Доброжелательно кивнув им, перевожу взгляд на мужчину, сидящего ровно по центру. Обычный, симпатичный. Вальяжный. Очень спокойный, он сидит в кресле абсолютно не скованно, заложив правую ногу на левую и, мерно покачивая ей, смотрит на меня чуть насмешливо, точно знает что-то такое, что мне еще только предстоит разгадать. «Это Сечин», – шепчет в моём наушнике Ритка. Незаметно киваю ей, показывая, что я поняла. Мимоходом отмечаю, что у мужчины легкая седина на висках, очень красивый рот и интересные зеленовато-карие глаза с золотистым отливом. Но это не главное, потому что есть что-то ещё – что-то, что я никак не могу ухватить...

– Три, два, один. Начали! – кричит в моём наушнике Лида, и текст подводки моментально и полностью вылетает из моей головы, потому что до меня доходит то, чего в принципе не может быть: мужчина в кресле до ужаса похож на Данилу».

Глава 2. Ты, я, он и «дорогая» передача

*Между пятой точкой и шестым чувством всё-таки есть связь.
Из социальных сетей*

Январь 2017 года, Москва.

1.

Телецентр «Останкино», запись ток-шоу «Время говорить».

«Интересно, это чем же я тебя поразил, что ты на меня так смотришь?»

Я сижу на невысоком подиуме, в синем кресле между двух чуваков (Репин и Бастрыкин, познакомился с ними в гримёрке – так, ничего особенного, звезд с неба они не хватают) и с любопытством разглядываю девушку, замершую напротив меня. Первое, что приходит мне в голову – вот вполне стильный look современной версии Мэри Поппинс (гладкая прическа, строгий, в талию, брючный костюм, каблук, ненавязчивый макияж). Впрочем, для сказочного персонажа у девушки слишком длинные ноги, небольшая, но вполне заметная грудь и, для женщины, довольно высокий рост. Очень светлые волосы и очень белая кожа. Или это погрешности грима? Вспомнив про Алика, тихо хмыкнул и продолжил рассматривать девушку дальше.

У неё интересное лицо. Не то, чтоб оно убивало своей красотой наповал, но оно какое-то очень правильное, запоминающее, я бы сказал – из той породы, что, как мне кажется, просто нарисовать, хотя в нём нет никаких заезженных телевидением штампов. Даже лёгкая асимметрия черт не портит его, скорее, подчёркивает его индивидуальность. И при этом мягкие губы и серые, настоящие северные глаза, большие, вдумчивые и глубокие. Правда, сейчас они смотрят на меня несколько настороженно, чем окончательно и наводят на мысль, что это не Мэри Поппинс, а мисс ведущая нашего ток-шоу. Как там Алик сказал, её зовут? Ах да, Саша Асмяэ. «Вернее, Аасмяэ», – мысленно исправляюсь я, потому что в эстонских именах вроде надо растягивать гласные. «Интересно, какой у неё голос?» Мне почему-то кажется, что он должен быть низким, грудным, с такой эффектной хрипотцой, которая делает чувственным любой пассаж, и от которой смешные фразы кажутся ещё смешнее.

А теперь главный вопрос. Она мне нравится? Да. И, встретиться я с ней в каком-нибудь другом месте, я бы, как минимум, обернулся. Но то, где я сейчас нахожусь (а главное, каким образом меня заманили сюда), в корне меняет всё дело.

– Внимание, студия, обратный отсчёт! – командует голос в динамиках.

Зрительный зал медленно погружается в тишину. Мужчины прекращают с любопытством оглядываться вокруг, женщины – судорожно поправлять платья. Те, кто сидят в первых рядах, пытаются принять позу, которая, на их взгляд, будет выигрышно смотреться в кадре. И в общем и целом, всё это чем-то напоминает базар невест, на который вот-вот заглянет султан, чтобы выбрать себе наложницу. Между тем чувак в синей футболке с надписью «LEVA» на спине бросает последний взгляд в зрительный зал и быстро уходит с подиума. Я ощущаю, как начинает волноваться сидящий слева Репин, как подбирается в кресле Бастрыкин, но самое интересное заключается в том, что эта команда моментально приводит в чувство ведущую.

Эстонка мгновенно успокаивается, сухо и вежливо кивает мне. Эффектно крутанувшись на каблуке, разворачивается лицом к зрительному залу – и я утыкаюсь глазами в её точёную задницу. Сижу и нахально рассматриваю её. Почуввав неладное, Аасмяэ профессионально и ловко, из-за плеча бросает на меня взгляд. Поскольку я не посчитал нужным отвести глаза от того, что так меня занимало, эстонка, сообразив наконец, куда это я уставился, едва заметно

вздрагнула и тут же заняла такую позицию перед камерой, чтобы я прекратил на неё пялиться, а она бы могла не спускать глаз с меня.

«Ах так?» Усмехнувшись, закидываю ногу на ногу. Аасмяэ, прищурившись, как-то чересчур подозрительно фыркает.

– Внимание, студия, запись! – командует тот, кто навечно поселился в динамиках, и тут зрительный зал, и подиум, и меня накрывает музыкальная заставка такой оглушительной мощности, что мне чуть не сносит черепную коробку. Пока я оглушенно трясую головой, пытаюсь сообразить, не разорвало ли мне барабанные перепонки и не пошла ли у меня кровь из ушей, эстонка хмыкает, поворачивается лицом к камере и начинает вещать звучным, низким, хорошо поставленным голосом, в котором прослеживается на удивление точно угаданная мной хрипотца:

– Добрый день, это Александра Аасмяэ и наше ток-шоу «Время говорить». Сегодня мы будем беседовать о том, какое место занимает в нашей жизни телемедицина, а заодно, и попытаемся разобраться в том, сможет ли это новое направление повысить качество диагностики и мониторинга здоровья граждан?

«Господи боже, кто ж тебе этот бред-то писал?» Фыркнув, закатываю глаза. Аасмяэ практически одновременно со мной делает шаг в сторону и полностью закрывает меня от камер.

«Что за чёрт?» Невольно заинтересовавшись, а что, собственно, происходит, начинаю внимательно приглядываться к останкинскому зазеркалью. Цепляю взглядом табло с потухшей надписью: «Аплодисменты», горящие красным глазки шести камер, напоминающих футуристические летательные аппараты, установленный на маленькой площадке навороченный пульт с сидящей за ним женщиной, черный пузырьёк микрофона, прикреплённый к груди Аасмяэ (к слову, у нас с Бастрыкиным и Репиным на лацканах точно такие) и, наконец, замечаю маленький, телесного цвета наушник в её розовом ухе.

И тут до меня доходит, что где-то здесь, совсем рядом со мной, находится тот, кто всем здесь управляет. Но первой по значимости на площадке всё равно останется эта эстонка, потому что в отличие от дикторов новостных передач, которые в кадре статичны и следят только за тем, что читать с суфлера и правильно ставить в словах ударения, эта Саша Аасмяэ еще и двигается, а значит, будет следить не только за тем, чтобы самой каждый раз смотреть в нужную камеру, но и наблюдать за зрительным залом, за гостями, за мной. А это – профессионализм уже высшей марки. И значит, как бы я ни старался довести эту Сашу до ручки, у меня ничего не получится. Просто не выйдет – и всё.

Итак, мой первоначальный план провалился, и мне срочно нужен другой план. Пока я перебираю в голове все имеющиеся у меня варианты (из которых самой заманчивой выглядит мысль достать телефон и начать делать селфи на фоне Аасмяэ, а самой разумной – не дёргаться и подождать, куда кривая вывезет), эстонка продолжает уверенно вещать:

– ... и ответить на эти вопросы нам помогут специально приглашённые гости. Это, – отточенный поворот головы, выверенный взмах руки, – Юрий Михайлович Репин, руководитель департамента информатизации Министерства здравоохранения. Многим из вас господин Репин известен как автор законопроекта о телемедицине, созданного совместно с нижней палатой парламента.

На табло загорается надпись: «Аплодисменты». Зрительный зал (человек сто пятьдесят) принимается дружно хлопать в ладоши. Какой-то идиот в первом ряду даже кричит с места: «Браво!» Побагровевший от удовольствия Репин пытается привстать и одновременно кивнуть, но Аасмяэ с доброй улыбкой старой знакомой чуть прикасается ладонью к его плечу, отчего Репин, побагровев ещё больше, послушно падает в кресло. А эстонка уже разворачивается к Бастрыкину:

– ... а также Юрий Иванович Бастрыкин, депутат, представитель партии «За новое Отечество» и председатель общественного комитета при Институте развития интернета. Юрий

Бастрыкин также является автором законопроекта о телемедицине, но созданного совместно с Институтом развития интернета.

Бастрыкин, к тому моменту уже успевший по-хозяйски раскинуться в кресле, снисходительно улыбается и машет рукой зрителям. Зрительный зал остервенело купает его в овациях. Аасмяэ отступает назад, доброжелательно глядит на меня, на меня наезжает камера, я ощущаю, как на моей шее всё туже затягивается петля, и настроения мне это не добавляет. А эстонка уже поет:

– ... и, наконец, хорошо известный многим из вас врач ... – («Врёт, я врач, многим из вас не известный.») – уникальный кардиохирург... – («И не уникальный.») – ведущий специалист телемедицинского центра Научного центра сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева, разработчик передовых методик Арсен Павлович Сечин.

Зрители и меня осыпают аплодисментами. Тот же, что и в первый раз, идиот снова кричит: «Браво!», а Аасмяэ глядит на меня с такой широкой и доброй улыбкой, словно только что сделала мне поистине царский подарок. Правда, её улыбка (как и аплодисменты) довольно быстро скисает, когда я в ответ всего лишь равнодушно киваю. «Давай, давай, посоветуйся со своим наушником, что тебе дальше делать?» – злорадно думаю я, с удовольствием наблюдая, как эстонка чуть-чуть, но задержалась. Но, видимо, наша Саша надолго никогда не теряется, потому что немедленно переводит улыбку из разряда «дружеских» в категорию «сугубо профессиональных» и, развернувшись к пятой камере, продолжает вещать:

– А для начала давайте посмотрим сюжет, который поможет нам разобраться, что же такое телемедицина?

В зале медленно гаснет свет. Ловлю на себе внимательный взгляд эстонских больших серых глаз, и, игнорируя его, утыкаюсь в плазму. А на экране, под заунывный китайский напев уже появляется небольшая полутёмная комната, украшенная иероглифами, веерами, фонариками и драконами, где в истоме, в окружении красных фонариков на полу раскинулась какая-то полураздетая тетка, что наводит меня на мысль о китайском доме терпимости. При этом к запястью тётки почему-то привязана длинная красная нитка, другой конец которой цепко держит в руках древний китайский старик, скорчившийся на коленках. «У старикана с теткой, видимо, не получилось, и он ей за это руку сейчас оторвёт», – ехидно думаю я.

– Ещё в незапамятные времена, – между тем начинает читать за кадром мужской сахарный голос, – китайские врачи могли, даже не прикасаясь к больному, всего лишь по биению его пульса определить характер заболевания, что и положило начало такой современной науке, как телемедицина.

«Ага, – быстро соображаю я, – старик у них, значит, врач. А тётка в истоме на полу, видимо, больная, которую никто не смеет трогать руками, кроме ее мужа. Ну-ну, и что дальше?» Пока я с интересом ожидаю, чем закончится эта телевизионный маразм, на экране, в комнате, где лежит тётка, появляется зловещего вида мужик, обряженный в золотую робу, очень напоминающую древнерусский сарафан, и с громоздким квадратным сооружением на башке, по виду очень тяжелому. Очевидно, по задумке того, кто это снимал, мужик и является тётковладельцем, поскольку при виде его тётка испуганно вздрагивает, но, спохватившись, принимает жалобно вздыхать и томно приподнимает голову. Мрачно покосившись на тётку, актер, играющий мужика, переводит взгляд на старикана и так по-свойски ему кивает, точно спрашивает: «Ну, как она?» Старик почтительно клюёт носом, встаёт с коленок и бодро трусит к мужику вместе с ниткой, забыв, что к нитке привязана тётка.

Чем в итоге закончилась эта ахинея, я так и не узнал, потому что пока я, прикрыв лицо рукой, тихо сам с собой угорал, на плазме появилась до боли знакомая мне больница в городе Осло, в которую я под новый год мотался в командировку, чтобы прочитать норвежским врачам лекцию о тетраде Фалло и которую голос за кадром почему-то упорно именовал Норвежским телемедицинским центром.

– И все же родиной современной телемедицины считается именно Норвегия, – продолжает голос за кадром, и я, окончательно забив на останкинские телеглупости, прикрываю глаза и принимаюсь раздумывать над тем, что меня ждет завтра. Во-первых, завтра, с утра меня ожидает сложная четырехчасовая операция сорокашестилетней женщины из Кисловодска с приобретённым пороком сердца. Во-вторых, опять же завтра, мне надо посмотреть мужчину из Ижевска с дефектом межжелудочковой перегородки. В-третьих, и тоже завтра, мне нужно каким-то чудом успеть попасть в поликлинику, которую обслуживает «Бакулевский», чтобы принять участие в обследовании пациента из Санкт-Петербурга с вторичным инфекционным эндокардитом. В-четвертых, когда мне завтра (или послезавтра) будет звонить Юлия, надо не забыть снять трубку, чтобы попросить её раз и навсегда забыть дорогу в мою квартиру. В-пятых, пора бы мне, наконец, перестать связываться с малолетками типа Женьки, иначе это всё плохо закончится. В-шестых, чтобы это всё не закончилось ещё хуже, нужно в ближайшее время найти себе нормальную любовницу – самодостаточную женщину, которая не будет ждать, что кто-то сделает её жизнь сказкой, а значит, не будет мне мозг выносить всё то недолгое время, что нам отведено быть вместе. А в-седьмых...

– Услуга: вот что важно! Телемедицина – это, прежде всего, услуга для пациентов, – врывается в мои уши мужской баритон и скрип кресла слева.

Очнувшись, вскидываю глаза. Ослепительно-яркий свет. Жадные красные глазки телекамер. Серебристый подиум, синие кресла, плазма с рубленой надписью: «Время говорить». Зрительный зал, напряженно всматривающийся в сцену. И девушка в синем костюме, замершая напротив меня. Очень светлые волосы и очень пристальный взгляд, которым она рассматривает меня. «Что ей надо? Ах да, я же в „Останкино“...» Поморщившись, дёрнул запястьем, покосился на часы. Ничего себе, оказывается, прошел почти час, как я напрочь выпал из съёмочного процесса!

– Удобство для населения – вот что важно! – продолжает надрываться всё тот же голос слева. Оборачиваюсь: оказывается, голосит Репин. Поймав мой взгляд, Репин проникновенно глядит на меня: – Вы со мной согласны?

Вместо ответа молча пожимаю плечами. Не найдя во мне даже элементарного человеческого участия, Репин раздражённо трясет щекой и поворачивается к Бастрыкину.

– А вот вы знаете, – запальчиво, явно напрашиваясь на дискуссию, начинает Репин, – что дистанционная консультация выгодна, потому что она почти в пятнадцать раз дешевле поездки пациента, живущего в Екатеринбурге, в Москву. Да любой в студии, – отеческий тон и проникновенный взгляд, устремлённый в зрительный зал, – может себе позволить воспользоваться этой услугой. – Новый разворот к Бастрыкину и едкий прищур, обращённый на него: – Так почему же вы не даёте ей ход?

– Простите, а я правильно понимаю, – ловко (и главное, своевременно) вмешивается Аасмяэ, – что в случае необходимости сопровождения пациента медицинским работником в Москву стоимость поездки удваивается?

– Ну да, – теряет Репин, – но...

– Тогда цифры, указанные вами, не совсем точны. Впрочем, предлагаю послушать мнение специалиста. – И тут эстонка обращается ко мне: – Арсен Павлович, а что вы можете сказать относительно преимуществ этой услуги?

«А я могу сказать только одно: у того, как вам тексты писал, предметные знания на обе ноги хромают». Но поскольку включаться в этот дискурс мне совершенно не хочется, то я снова пожимаю плечами.

– Неужели вам нечего добавить? – Аасмяэ удивленно приподнимает светлую бровь.

– К сказанному вами – нет, – чрезвычайно любезно парирую я, и в зале слышится смех.

– Ну что ж, будем считать, что ваше мнение мы услышали, а более развернуто вы выскажитесь чуть позже, – ювелирно подставляет меня Аасмяэ и дружелюбно улыбается Бастрыкину: – А вы, Юрий Иванович? Как вы считаете, какие преимущества телемедицины сегодня являются основными?

– А я, – манерно откидывается в кресле Бастрыкин, – могу повторить только то, что уже не раз говорил: сегодня во главу угла любой отрасли надо ставить технологии. И бюджет нужно пускать не на расширение глобальных телемедицинских центров... – осторожный взгляд на меня, оценивающий мою реакцию, – а на повсеместное качество связи и обучение медиков, потому что надеяться, что телемедицина разовьётся без этого, это, простите, нелепо. К тому же, у половины врачей, – новый, уже насмешливый взгляд, брошенный в мою сторону, – повальное незнание технологий.

«О, вот и по нашему брату проехали!» Откровенно говоря, очень хочется врезать ему в ответ не менее остроумной фразой о том, что у чиновников, занимающихся развитием медицины, нет даже элементарного медицинского образования, но лезть в эту свару мне абсолютно не хочется, так что я продолжаю безмятежно покачивать ногой, разглядывая подиум.

– И что же вы предлагаете? Заморозить социально-значимый проект, пока вы будете наращивать технологии? – невинно замечает Аасмяэ и снова берется за меня: – А вы как считаете?

– А вы считаете, что моё мнение что-то изменит? Законопроекты ведь не с врачами обсуждают, а с теми, кто Интернет прокладывает, – не менее невинно говорю я, и в зале снова слышится смех.

– Во врач даёт! – доносится с первого ряда.

– Вот! Вот такой несерьёзный подход медицинских работников и приводит к тому, что у нас нет и не будет таких замечательных врачей, как в той же Норвегии. И это их специалисты будут к нам приезжать и нас учить, – выстреливает в меня Репин.

«А вот интересно, – думаю я, машинально его разглядывая, – а когда ты сам, чувак, последний раз был в городской поликлинике? Не в той, что обслуживает твой Минздрав, а в самой обычной, бюджетной? Или мне тебе рассказать, как там врачи ухитряются отработать по три смены подряд, да еще и больных на дому обойти?»

– Ай, да поймите же вы наконец, что без технологий сегодня ничего не построишь! – Бастрыкин небрежно машет рукой. – Мы и раньше без технологий отставали, а сейчас отстаём тем более.

– То есть, пока вы будете прокладывать свой Интернет, пенсионеры умереть должны? – взвизгивает Репин.

– Да пенсионеры скорее умрут благодаря вашим минздравовским инициативам, – мстительно парирует Бастрыкин.

– Ну что ж, у нас разгорелась непростая дискуссия. Ну, а я хочу еще вам напомнить, что наша передача посвящена телемедицине, как услуге для граждан, так что я бы попросила экспертов придерживаться заданной темы, – снова весьма своевременно подает голос Аасмяэ.

«А, в-седьмых, – внезапно приходит мне в голову, – было бы очень неплохо найти себе кого-то, похожую на эту эстонку».

И вот, пока Аасмяэ занята тем, что разводит по углам шипящего от обиды Репина и самодовольно ухмыляющегося Бастрыкина, я принимаюсь уже откровенно её разглядывать. С лицом и фигурой всё ясно, в общем, не придерёшься, но что у неё за душой? Этого я не знаю, хотя, исходя из того, что я видел, она умна и сообразительна, и даже мне не дала сбить себя с толку. Действует так, что не забывает гостей, но при этом практически моментально находит способ вывернуться и продолжить это в общем, бездарное во всех смыслах слова ток-шоу так, чтобы оно хотя бы в кадре выглядело достойно. Такие люди не могут не вызывать уважения.

«Вот на этом давай-ка и остановимся, – разбивает мои мысли голос моего разума. – И давай договоримся больше не забывать, что мечтать в тридцать шесть – это нормально. Ненормально в тридцать шесть лет забывать о том, что у тебя есть тайна и одно очень простое правило: никогда не иметь дела с журналистами».

Ну что ж, мой внутренний голос абсолютно прав, и я отвожу от эстонки глаза. За неимением лучшего принимаюсь рассматривать зрительный зал, подиум, декорации, Репина и Бастрыкина, снова взявшихся рвать друг друга. И тут Аасмяэ, очевидно, решив, что раз я смотрел на неё, то мне от неё что-то нужно, начинает осторожно перебираться поближе ко мне. Пристроившись рядом с моим креслом, чуть наклоняется и, не меняя выражения лица, одними губами спрашивает:

– Арсен Павлович, вы хотите высказаться? Хорошо, как только Юрий Иванович закончит, то я обязательно дам вам слово...

«Интересно, что у неё за духи? Впрочем, какая разница...»

– Нет, не хочу. Простите, а когда съёмки закончатся? Просто мы уже два часа тут сидим...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.